

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 6 (6389) 2016

ДӨНЬЯСЫ

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»

Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарами в 985 году («Повесть временных лет»)

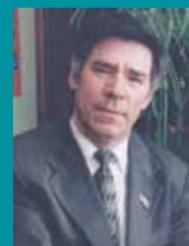

Худ. П. П. Беньков. «Портрет татарки». 1924 г.

Загадки хана Кубрата

с. 12-13

Сын кузнеца из Арпаяза

с. 5

Краски нефтяного края

с. 11

Он ходил за линию фронта

с. 7

Очарованный мунаджатами

с. 8-9

Нияз АКМАЛ

Женщина

О, сколько же тепла проистекло
На нашу землю в солнечный денек!
Не обижайся, Солнце,
Но твоё тепло
Сравнить с теплом души её не смог.

И если сладость всех чудес земных
Подарит жизнь —
Что ж, буду только рад.

А не случится — проживу без них —
Её ресничка мне ценней стократ.

Пусть перед ней ковром цветут цветы,
И с неба звезды падают вослед —
С кем женщину сравнить? —
Слова пусты...
...Лишь с ней самой.

Других, ей равных, нет!

Перевод Н. Ишмухаметова

С праздником Сабантуй

Поздравление Президента Республики Татарстан Рустама Минниханова

Уважаемые татарстанцы! Дорогие друзья! Сердечно поздравляю вас с татарским народным праздником Сабантуй! Это символ пробуждения природы, трудолюбия, исконного хлебосольства и гостеприимства нашего народа. Бережно передаваясь из поколения в поколение, праздник стал истинным олицетворением наших самобытных обычаев и духовного наследия. В год 130-летия со дня рождения великого татарского поэта Габдуллы Тукая Сабантуй обретает свое особое звучание. Увековечив воспоминания об этом торжестве в своем творчестве, он открыл богатство татарского духа. Заслужив широкое признание и став традиционным во многих уголках России и мира, Сабантуй превратился во всенародный праздник труда и дружбы. Уверен, все участники Сабантуя соприкоснутся с лучшими традициями и культурными ценностями нашего народа. Пусть в этот праздник каждому из вас сопутствует замечательное настроение и оптимизм! Доброго здоровья, счастья и благополучия вам и вашим близким.

МОСКВА

В Государственном музее А.С. Пушкина с большим успехом прошел Четвертый музыкальный фестиваль молодежи России и стран СНГ «Таланты Содружества» имени Фуата Мансурова. Мероприятие ежегодно проходит при поддержке полномочного представительства Республики Татарстан в Российской Федерации. На вечер собрались близкие, друзья и коллеги дирижера, почитатели его таланта. Присутствовала и дочь маэстро Марина Мансурова, его внуки. Концерт объединил в своей программе выступления молодых участников из Москвы, Санкт-Петербурга, Татарстана, Казахстана, Азербайджана, Армении, Украины и Сербии. Многие из них в этот вечер впервые выступили в сопровождении симфонического оркестра под руководством учеников Ф.Ш. Мансурова - дирижеров, заслуженных артистов Республики Татарстан Анны Гулишамбаровоной и Василия Валитова. Ежегодно на фестивале на одной сцене с юными дарованиями выступают именитые артисты, много лет проработавшие с Фуатом Мансуровым. В этом году зрителей порадовал своим выступлением народный артист СССР, солист Большого театра России Зураб Соткилава.

В Татарском культурном центре Москвы чествовали ветеранов Великой Отечественной войны, тех, кто сражался на передовой и защищал Родину, и кто в тылу самоотверженно трудился для фронта, для Победы. Гостей поздравили заместитель Председателя Совета муфтиев России и руководитель «РОО-ТНКА г. Москвы» Фарит Фарисов, руководитель Татарского культурного центра Анвар Хусаинов, заместитель полномочного представителя РТ по работе с общественностью и СМИ Азат Ахтареев, руководитель Казанского отделения Всемирного конгресса татар Фарид Мифтахов. Со словами благодарности за оказываемое внимание выступил ветеран ВОВ, кавалер многих орденов и медалей Анвар Хайдарович Чанышев. Он подчеркнул важность проведения таких мероприятий не только для ветеранов, но и для молодого поколения.

Мы живы, пока жива память о наших предках – эта мысль лейтмотивом звучала на протяжении всего праздника. В подтверждение этого собравшимся был продемонстрирован документальный фильм Ф.Ф. Фарисова «Память сильнее времени» о подвигах татар на полях Великой Отечественной войны и в тылу. Калейдоскоп мероприятий, организатором и участником которых является и Татарская национально-культурная автономия Москвы, на этом не заканчивается. Впереди самое яркое событие московского лета, которое с нетерпением ждет многонациональная столица – это «Сабантуй 2016», который состоится 17 июля в музее-заповеднике Коломенское.

Асия Баткаева

ДОМОДЕДОВО

РОО «Татарский национальный центр Московской области» совместно с Московской областной государственной научной библиотекой им.Н.К. Крупской в год 130-летия татарского народного поэта Габдуллы Тукая и 110-летия Героя Советского Союза Мусы Джалиля в январе-мае текущего года провели большую работу по сохранению памяти о жизни и творчестве великих поэтов среди жителей Подмосковья.

Под руководством Фуада Султанова был разработан социально-культурный проект «Передвижная литературная гостиная «Подмосковье - наш общий дом: мы познаём друг друга», который был признан победителем в областном конкурсе, и на его реализацию был выделен грант Правительства Московской области.

Более чем в ста библиотеках области по инициативе РОО «ТНЦ МО» прошли интересные библиотечные мероприятия, посвященные этим знаменательным датам: литературно-поэтические вечера, беседы с читателями, книжные выставки и викторины.

По итогам этих мероприятий министр культуры Московской области Оксана Косарева вручила руководителю РОО «ТНЦ МО» Фуаду Султанову Благодарственное письмо за оказанное содействие библиотекам Подмосковья в проведении мероприятий, направленных на пропаганду многонациональной культуры России, укрепление дружбы и взаимопонимания между народами.

Энвер Софинов

Подмосковный Сабантуй

Московский областной праздник Сабантуй состоится 10 июля Дмитрове в городском парке культуры и отдыха «Березовая роща» (ул. Московская). На Сабантуй приедут делегации из разных районов Подмосковья и близлежащих регионов. Программу праздника украсит участие делегации Мамадышского района Республики Татарстан. Посетители увидят прекрасный концерт, станут зрителями состязания борцов, смогут принять участие в различных конкурсах и продегустировать блюда национальной кухни.

ВЕНА

С представителями актива татарского общества Австрии «Мирас» встретился Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов. В мероприятии принял участие Чрезвычайный и Полномочный посол России в Австрии Дмитрий Любинский. Рустам Минниханов поблагодарил членов татарского общества «Мирас» за сохранение культуры, языка и обычаев татарского народа, за активную жизненную позицию. Общество «Мирас» было зарегистрировано в январе 2016 г. Оно активно сотрудничает со Всемирным конгрессом татар (ВКТ), входит в состав Альянса татар Европы. Активисты «Мираса», в частности, подняли вопрос о совместной организации летних лагерей для детей, с возможностью изучения родного языка. Рустаму Минниханову также рассказали о проекте создания частного детского сада в Вене с изучением татарского языка. Был поднят вопрос создания образовательно-культурного центра в Вене.

БОЛГАР

Президент Татарстана Рустам Минниханов заложил памятную капсулу в основание будущей Болгарской исламской академии. Мероприятие прошло в рамках масштабного праздника «Изге Болгар жыены», посвященного Дню официального принятия ислама Волжской Булгарией. Также в торжественной церемонии приняли участие Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев, Премьер-министр РТ Ильдар Халиков, Председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин, руководитель Федерального агентства по делам национальностей Игорь Барин, председатель Центрального духовного управления мусульман, Верховный муфтий России Талгат Таджуддин, председатель Духовного управления мусульман РТ Камилль Самигуллин, митрополит Казанский и Татарстанский Феофан и другие.

«Главное сегодня – сохранить духовность, а для этого нужны достойные духовные учебные учреждения», – подчеркнул в своем приветственном слове Рустам Минниханов. Он заметил, что в

нашей истории было много татарских мусульманских деятелей, известных во всем мире. Но за последние сто лет многое в данной сфере было потеряно и теперь необходимо возрождать всё заново. Само послание потомкам написано на четырех языках: русском, татарском, английском и арабском. Свиток под общую молитву запечатали в специальную капсулу. Камилль хазрат Самигуллин и Талгат Таджуддин опустили ее в нишу в камне. И все официальные лица, присутствующие на мероприятии, приложили к ней руку. В содержании свитка – обращение к потомкам с просьбой хранить духовность и ценности ислама: мир, веротерпимость и уважение.

КУКМОР

90-летие со дня рождения ученого-инженера, профессора, академика РАЕН Рустама Исмаиловича Утямышева отметили на его родине в Кукморе. Празднование началось с традиционной научно-практической конференции «Мое Я в большой науке», которая проходила в Кукморском многопрофильном лицее им. А.М. Булатова. В работе конференции приняли участие начальник управления образования района Роберт Мансуров, начальник департамента дополнительного образования детей Министерства образования и науки РТ Эльмира Садриева, член президиума РАЕН Ильдар Утямышев, заведующий отделом истории татаро-булгарской цивилизации Института истории АН РТ Альберт Бурханов, заместитель генерального директора торгового дома «ВК» Рафаэль Валиуллин, директор ООО «Лифтстрой компания» Фазыл Ногманов, преподаватель Казанского медколледжа Гульнур Ногманова и советник РАЕН поэтесса Гульнара Утямышева. Это мероприятие продемонстрировало большой интерес учащихся к самостоятельным научным исследованиям, стремление к повышению уровня знаний, в чем немалая заслуга педагогов центров внешкольной работы республики. Кульминацией праздника стало открытие в деревне Маскара музея Рустама Исмаиловича Утямышева в фамильном доме Утямышевых.

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Официальная летопись первых лет строительства Магнитки изобилует именами ударников труда, комсомольцев и коммунистов, вклад которых не вызывает сомнений. Но кроме широко известных героев, чьи фамилии названы улицы города, были и неизвестные. Прежде всего, речь идет о спецпереселенцах, десятки тысяч которых после раскулачивания были сосланы на стройку металлургического комбината. Книга «Раскулаченные - первостроители Магнитогорска» является уточненным и дополненным продолжением книги «Спецпереселенцы - первостроители Магнитогорска». Она создана, чтобы еще более полно реконструировать исторические реалии той трагической эпохи.

Ахмет Галимов,
журналист-востоковед

О сабантуе, древнем, но вечно молодом и подлинно народном празднике двух братских народов татар и башкир, написано очень много. Известно, что в праздниках отражается и раскрывается душа, характер и культура тех народов, чьим многовековым коллективным творчеством они являются. Об этом празднике писали известные татарские писатели, поэты, ученые-историки и фольклористы: Фатих Амирхан, Габдулла Тукай, Ахмет Ерикеев и многие другие. Прекрасные всеобъемлющие труды о сабантуе оставил историк Д.Р. Шарфетдинов.

Мы перед собой ставим лишь скромную задачу изложения краткой истории московских сабантуев, не претендуя на их подробное и всестороннее описание. Однако до изложения основной темы хочется еще раз остановиться на значении названия праздника.

В настоящее время слово «сабантуй» чаще всего переводят как «праздник плуга». Это слово состоит из двух частей: «сабан» и «туй». Однозначным в этом составном слове остается только туй (праздник, торжество). А «сабан» имеет несколько значений – «плуг» - орудие пахоты. Слово «сабан» дается в двух значениях: 1) парная упряжка волов с земледельческими орудиями (если по-современному «трактор + плуг»); 2) пахота. В современном татарском языке «сабан» имеет еще больше значений: 1) плуг; 2) весенне-посевные работы; 3) период весенне-посевных работ; 4) яровые культуры.

Известно, что орудия пахоты со временем менялись, сабан пришел на смену сохе (по-татарски «сука»), а праздник сабантуй проводился и во времена, когда землю вспахивали сохой.

В свете сказанного «сабан» в слове «сабантуй» использован в значении «весенне-полевые работы», отсюда и сабантуй – это праздник весенне-посевных работ, ибо сабаном пахот и осенью для сева озимых.

Первоначально время проведения сабантуя полностью соответствовало названию «сабантуй». Он тогда проходил в начале весенне-посевных работ. Первым обрядом на празднике было вспахивание первой борозды и ее засеивание. При этом вместе с семенами в борозду клали куриные яйца, символизирующие плодородие, лили в борозду молоко и кисломолочные продукты – катык, айран, возможно и кумыс. Чтобы задобрить дух земли, моля ее дать высокий урожай.

С переходом в единобожие – ислам – обряды, связанные с использованием яиц утратили первоначальное значение. Но яйца по-прежнему продолжали раздавать детям или вручать в качестве приза, особенно на деревенских сабантуях. Пересмыслены были и обряды с использованием катыка. Теперь на сабантуе соревнуются, кто первым губами достанет монетку из тазика с катыком.

У татар и башкир бытовал еще один календарный праздник, который проводился после окончания весеннего сева, перед выходом на сенокос. Он был в основном молодежным и проходил с песнями, плясками и веселыми играми в течение двух и более дней и вечерами. Со временем сабантуй был перенесен на период джиена, и два близких по духу и содержанию народных традиций слились в единый праздник, сохранивший название сабантуй и вобравший все лучшее, популярное, что было у обоих праздников. Однако в некоторых аулах молодежные джиены праздновались вплоть до 20-х годов прошлого века.

Сабантуи до 1917 года проводились в основном в деревнях и небольших городах, население которых по образу жизни мало чем отличалось от селян. В крупные города, даже со значительной численностью татар и

получено лишь в середине 10-х годов 20 века.

А в Москве первое народное гулянье, названное сабантуем, состоялось в одном из уголков парка Сокольники лишь 11 мая 1924 года. Оно было организовано для татарских рабочих руководством, парткомом и фабриком фабрики резиновой обуви «Красный богатырь».

Об отсутствии сабантуя в культурной жизни татарской общины Москвы до двадцатых годов прошлого века еще раз свидетельствует письмо мусульман, временно проживавших в Москве: «Мусульмане, пребывающие по торговым и иным делам в таких торгово-промышленных центрах Севера и Запада Европейской части России, как Москва, Петроград, Архангельск, Одесса, Киев, Харьков, лишены возможности видеть праздник мусульман Поволжья сабантуй. Мы считаем, что с национальной точки зрения это является для них большим несчастьем».

Как бы мы ни старались «удревнить» московский сабантуй, документальных сведений о его проведении ранее указанной даты не имеются.

В первые годы после большевистского переворота татарам и башкирам не только в Москве, даже в регионах их компактного проживания было не до народного праздника. Затем последовало голодное время начала 20-х гг. Вновь о сабантуях заговорила татарская периодическая печать (большие две статьи Фатиха Амирхана в газете «Татарстан» в 1923 году).

Росли и развивались Москва и столичная губерния (область). Для новыхстроек и построенных заводов и фабрик требовались все новые и новые рабочие руки. Татарстан и Башкортостан и прилегающие к ним области в те годы считались регионами с избыточной рабочей силой. Начались интенсивные миграционные процессы. Часть миграционных потоков была направлена, кроме Донбасса, Закавказья, Урала, Сибири, и в центральные регионы России, в том

числе в Москву и столичную губернию (область). Численность татар и башкир здесь стала быстро возрастать. Столичным и губернским властям приходилось обеспечивать новых рабочих не только жильем, одеждой и пита-

нием, но и удовлетворением их духовно-культурных запросов. Поскольку татарские и башкирские рабочие прибывали из регионов, где сабантуи проводились на протяжении веков, руководство предприятий, партийные и профсоюзные организации шли навстречу их пожеланиям проводить народный праздник в Москве и в подмосковных городах.

До 1931 года Москва и столичная губерния (область) составляли единую административную единицу. Поэтому организацией сабантуев занялись губернские отделы профсоюзов отраслей, где больше всего работали татарские и башкирские рабочие: союзы текстильщиков, металлистов и строителей.

Вслед за первым сабантуем 1924 года на фабрике «Красный богатырь», в 1925 году губернский (областной) Союз металлистов организовал сабантуй в Мытищах, Климовске и Подольске.

В 1926 году губотдел Союза текстильщиков провел свой отраслевой сабантуй на территории фабрики Цинделя в Москве. В том году на Воробьевых (тогда Ленинских) горах 26 апреля совместными усилиями губернских отделов всех отраслевых союзов был устроен «Праздник встречи весны», в котором приняли участие также татарские и башкирские рабочие разных отраслей.

В 1927 году Союз текстильщиков провел сабантуй в Серпухове, Орехово-Зуеве и в самой Москве, на Воробьевых горах. Свой отраслевой сабантуй в том году на Стадионе строителей на Разгуляе (Спартаковская, 2) устроил губотдел строителей.

В 1928 году отраслевые сабантуи организовывали губотделы тех же союзов строителей, металлистов и текстильщиков, а также был проведен общий са-

бантуй Московского уезда.

Сабантуй 1935 года был посвящен сдаче в эксплуатацию первой очереди московского метрополитена. Всеобщим вниманием на празднике были окружены герои-метростроители, выходцы из Татарстана, Башкортостана и других регионов страны. Статьи, за год до этого 12 августа 1934 года в Саду им. Манделштама состоялся первый и последний сабантуй самих метростроителей.

Сабантуй в Москве был устроен и в весьма тревожном 1937 году и в последующие годы. На сабантуе 1939 года перед москвичами выступили герои Советского Союза Г. Батыршин и другие участники боев на озере Хасан против японских самураев.

В 1940 году московский сабантуй был посвящен 20-летию образования Татарской АССР. Поэтому в нем приняла участие большая делегация республики: члены руководства, артисты и борцы.

Последний предвоенный сабантуй прошел за месяц перед началом фашистской агрессии. Праздник был веселым, шумным. На нем побывал и поэт А. Твардовский, своеобразно обыгравший название праздника в своей поэме «Василий Теркин». А молодой С. Балашов, будущий народный артист СССР, занимавшийся классической (греко-римской) борьбой под руководством тренера из крещеных татар Пыльного, стал абсолютным чемпионом сабантуя.

В Сабантуе принимали самое активное участие и представители интеллигенции, в том числе татарские писатели, жившие в те

годы в Москве: М. Максуд, С. Баттал, М. Джалиль, А. Ерикеев, М. Галю (Марджани) и студенты, обучающиеся в московских вузах и другие.

Татары и башкиры-москвичи любили свой народный праздник, который с каждым годом принимал больший размах, становил-

ся все краше и содержательнее. Хотя они, в духе времени, начинались с больших политических докладов, а зато после начинался праздник: борьба, спортивные состязания и веселье до позднего вечера...

Даже после войны москвичи много лет 2 мая ходили в ЦПКО, в его Нескучный сад, где веселились как могли, пока их не вытеснили в заболоченный участок, где во второй половине 90-х годов прошлого века благодаря усилиям татарских активистов возродился московский сабантуй. Но это уже новая страница его истории и об этом напишут более молодые наши коллеги.

башкир, он пришел позже, в начале 20 века. Исключением были казанские сабантуи. О его праздновании в начале 19 века писал еще профессор Казанского университета Карл Фукс. Поскольку указанный сабантуй не был единовременным актом, то можно предполагать, что традиция сабантуев в Казани сохранялась на протяжении веков.

Даже в таких городах, как Уфа и Самара, разрешение на устройство сабантуя было

числе в Москву и столичную губернию (область). Численность татар и башкир здесь стала быстро возрастать. Столичным и губернским властям приходилось обеспечивать новых рабочих не только жильем, одеждой и пита-

бантуй Московского уезда.

С 1929 года на Воробьевых горах был проведен общегородской праздник Сабантуй, в организации которого приняли участие областные отделы всех отраслевых профсоюзов. Затем общегородские сабантуи с 1930 по 1941 годы проходили в Центральном парке культуры и отдыха. О сабантуе 1929 года большую статью написал в газете «Эшче» А. Бикчентаев. Там же было напечатано стихотворение известного

Марат САФАРОВ, кандидат педагогических наук

ДОХОДНЫЙ ДОМ НА БОЛЬШОЙ ТАТАРСКОЙ

Доходный дом Фатихи Ерзиной.
Большая Татарская улица дом 24

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,
Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?
Где клавишина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,
Кудри, склоненные к пальцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!
Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды,
Грузные, в шесть этажей.
Домовладельцы — их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

Это известное стихотворение Марины Цветаевой 1911 года очень хорошо иллюстрирует жизнь старой Москвы начала XX века, когда в разных частях города стало стремительно изменяться привычное пространство – появлялись многочисленные доходные дома. В обиходе их называли «тучерезами» (слово «небоскреб» еще не вошло в лексикон). Как цикличная история – через столетие многие москвичи уже не могут представить себе облик города без этих зданий, оказавшихся не «уродливыми», «грузными», а часто превратившимися в символы, легенды, неотъемлемую ткань улиц. И теперь уже их ревниво защищают горожане, когда Москва неизбежно перестраивается, расширяется, и на месте доходных домов «в шесть этажей» появляются совсем иные здания. Таков ритм большого города. Но всегда жаль привычного, близкого, что стареет, ветшает, уходит в небытие...

И тихое, купеческое Замоскворечье в пору буржуазных преобразований начала XX века охватил строительный бум. На смену деревянным домам и целым усадьбам приходила известная нам капитальная застройка – в разных кварталах, от Пятницкой до Водоотводного канала воздвигались особняки. Уже существовавшие каменные и кирпичные дома надстраивались и увеличивались, появлялись флигели. Преобразилась и Большая Татарская улица, где богатые династии, прежде всего Ерзины, увеличивали свои обширные домовладения. И все же восточная часть Замоскворечья менее других кварталов этого исторического сосредоточия купеческого мира, ушла от тихой, немного провинциальной жизни. Несколько минут ходьбы до Кремля, а здесь, за деревянными заборами, еще держали кур, коз и даже коров, которых пасли

на сочных травах близ канала (ныне это трудно представить, зная о каменных берегах Водоотводного – старой преграды и границы Замоскворечья). Вроде бы пределы бывлой Татарской слободы (как и Толмачевской) размылись уже к середине XIX века, но и через 50 лет слободской, общинный характер этих мест ощущался. И все же доходные дома появлялись и среди этих уютных палисадников.

Речь, прежде всего, идет о дошедшем до наших дней доме № 24 по Большой Татарской улице, построенном в 1914/15 гг. на средства купеческой вдовы Фатихи Ерзиной. Кирпичный, пятиэтажный дом с мансардами и через сто лет остается жилым, украшает небольшой перекресток Большой Татарской улицы на её пересечении с Озерковским и Старым Толмачевским переулками.

Об истории этого дома мне рассказывала племянница купчихи Фатихи Ерзиной – легендарная хранительница истории татарской общины Москвы Рауза Ахмедовна Кастрова (1911-2012), часто бывавшая здесь; а также долгие годы проживавшая в этом доме Аминя Азизовна Байбурова (урожденная Ишимбаева).

Согласно воспоминаниям, один из старших сыновей купца-миллионера Салиха Ерзина – Ахмед, активно принимавший участие в семейном каракулево-хлопковом деле, умер еще при жизни отца, оставив жене Фатихе и детям большой участок с деревянным домом. В начале века этот участок числился скорее не по первой линии Большой Татарской, а по Старому Толмачевскому переулку (ныне этот двор доходного дома). После смерти самого Салиха Ерзина, наступившей в июле 1911 года, его невестка не получила практически ничего из его состояния, тем более, что большая часть капитала Ерзиных оставалась не разделенной. Сыновья Салиха Ерзина, прежде всего Садек и Хусаин, активно продолжали жизнь торгового дома, а Фатихе пришлось самостоятельно задуматься о своем финансовом будущем.

Сама Фатиха Ерзина (или как её официально именовали – Биби-Фатиха Хайруллоевна Ерзина) иллюстрировала собой особый тип энергичных татарских женщин, появившийся в капиталистическую эпоху. Активная, предприимчивая, купеческая вдова напоминала римских матрон, встававших во главе семьи, и умело руководивших и делом, и своими домочадцами. Родилась она в Касимове, в семье купца-меховщика Хайруллы Кастрова, и юной девушкой была отдана в Москву замуж за сына Салиха Ерзина. Это был продуманный, классический купеческий брак, к тому же перекрестный: сестра и брат Кастровы сочетались с братом и сестрой Ерзиными. Таким образом, Ахмед Кастров взял в жену ерзинскую дочь Хадичу и увез её в Касимов, а Фатиха вошла в клан Ерзиных и переехала в Москву к своему мужу Ахмеду Ерзину. Вскоре у Фатихи и Ахмеда Ерзина родились дети – Фатима, Алим и Мирза.

Вся жизнь бывшей Татарской слободы, от Климентовского почти до Большого Татарского переулка, и в начале XX века еще

сохраняла особый колорит. Звучала татарская речь, активно действовала мечеть, в многочисленных особняках жили представители купеческих семейств. Так и рядом с участком, где проживала Фатиха Ерзина, в 1910-11 гг. купец Абдулла Танеев построил четырехэтажный доходный дом. Его главная достопримечательность – крутая узкая лестница с витиеватыми перилами, а на четвертом этаже – другая миниатюрная винтовая лестница, ведущая на чердак. Абдулла Танеев был земляком Салиха Ерзина, также родился в старинном селе Азеево Елатомского уезда Тамбовской губернии (ныне Рязанской области).

Напротив владений Фатихи, брат её мужа Хусаин Салихович Ерзин, жил в своем просторном двухэтажном особняке, схожем с обликом купеческой застройки Касимова и других уездных городов России (сейчас в этом доме располагается почта). И до основной усадьбы Ерзиных – в Климентовском переулке две-три минуты ходьбы.

Чувствуя веяния времени, и возможно, следуя примеру соседа – Абдуллы Танеева, купеческая вдова Фатиха Ерзина решила на своем участке также выстроить доходный дом.

Доходный дом – многоквартирный жилой дом, построенный для сдачи квартир в аренду, а также тип архитектурного сооружения. Квартиры в доходном доме, как правило, сгруппированы вокруг лестничных клеток, коридоров или галерей и однородны по планировке. Построенные в конце XIX – начале XX века доходные дома чаще всего содержали небольшую внутреннюю двориколодец, а всё остальное пространство участка, принадлежащего домовладельцу, было занято самим зданием. Под двором-колодцем нередко размещались различные хозяйственные помещения такого доходного дома (зданий таких доходных домов особенно много в Санкт-Петербурге, Одессе, Ростове-на-Дону). Декоративное архитектурное оформление получал лишь парадный фасад, выходящий на улицу. Доходные дома могли принадлежать как частным лицам, так и различным организациям, ищущим стабильный источник дохода. В Российской империи владельцами доходных домов в числе прочих были учебные заведения, сиротские приюты, монастыри и как коммерческие, так и благотворительные общества. Нередко такие дома строили лично для себя состоятельные архитекторы.

Свой доходный дом Фатиха Ерзина не могла строить в одиночку, поскольку так и не овладела русской грамотой. Поэтому она решила прибегнуть к услугам знакомого бухгалтера Сафы Сибгатулловича Вергазова, касимовца, служившего в Азово-Донском бан-

Ахмед и Фатиха Ерзины. Начало XX века

Мирсаид Султан-Галиев
с женой Фатимой Ерзиной. 1919 год

ке. Сафа Вергазов подготовил смету и контролировал всю финансовую часть стройки (примечательно, что он является прадедом известной ныне актрисы, режиссера и сценариста Ренаты Литвиновой). В 1915 году дом был готов и квартиры стали сдаваться внаем. Сама хозяйка с детьми также поселилась в этом здании.

Но лишь три с половиной года Фатиха Хайрулловна Ерзина получала доход от своего дома. В 1918 году здание национализировали. Однако купеческую вдову новые власти оставили в качестве управдома, и она продолжала жить здесь. Вскоре в жизни её семьи произошли существенные изменения. Дочь Фатихи Ерзиной – Фатима вышла замуж за ярчайшего представителя новой советской жизни Мирсаида Султан-Галиева. В 1919–1921 гг. председатель Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), один из руководителей Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (1920–1923), возглавляемый Сталиным. Но уже в 1923 году Султан-Галиев становится первой жертвой Сталина, исключается из ВКП(б). Начались долгие 17 лет его страданий, завершившихся гибелью в 1940 году....

В этом очерке нет возможности подробно остановиться на сложной, трагической судьбе Султан-Галиева и его фундаментальной роли не только в истории татарского народа, но и для всей национальной политики раннего Советского государства. Султан-Галиеву посвящено несколько научных исследований, созданных казанскими историками. Особенно важным художественным свидетельством судьбы Мирсаида Султан-Галиева является известный роман Рината Мухаммадиева «Сират күпере» («Мост над адом») – одно из ключевых произведений татарской прозы, посвященных событиям первой трети XX века.

Султан-Галиев и купеческая дочь Фатима Ерзина жили в старой квартире Фатихи на Большой Татарской. Как вспоминала Рауза Кастрова, Султан-Галиев часто выступал в рабочем клубе имени Хусаина Ямашева (именно так в 20-е гг. называли Дом Асадуллаева). Однажды встретив юную Раузу и других двоюродных сестер своей молодой жены, он сказал им, что пришел свободные времена, и татары должны активно учиться, участвовать в новой жизни. И еще один эпизод. В 1920 году в Москву приехал турецкий политический деятель Энвер-паша, пытавшийся наладить связи с новым советским правительством с целью противодействия англичанам. Во время пребывания в Москве Энвер-паша энергично агитировал только что потерявших все свое имущество представителей татарских купеческих семейств Замоскворечья эмигрировать в Турцию и обещал содействие в этом. Близкая родственница Фатихи Ерзиной Шамсикамар Ерзина уже было поддадала угловорам Энвер-паши, но решила все же посоветоваться с Султан-Галиевым. И один из столпов новой власти переубедил её от эмиграции.

... Фатиха Ерзина конечно тоже никуда не собиралась уезжать. Она принимала гостей своего зятя, видных соратников Султан-Галиева, часто приходивших в их квартиру – Микдата Брундукова, женатого на представительнице семьи Ерзиных; Махмуда Будайли, Измаила Фирдевса. В уютном доме на Большой Татарской фактически собирались те, кого позднее будут называть «султан-галиевцами» и кто не избежит репрессий уже в 1920-е гг. В здании Наркомна в Трубниковском переулке близ Арбата они не могли вести доверительных бесед и потому приходили в бывший доходный дом Ерзиной в Замоскворечье.

Трагически сложится судьба самого Султан-Галиева. Погибнут в годы репрессий и его красавица-жена Фатима, и их дети Гульнар и Мурат. Старая купчиха Фатиха Ерзина уцелеет. Горестно завершилась её жизнь в доме на Большой Татарской. Но дом живёт и теперь, став одним из напоминаний об истории татарской общины Москвы.

Бывает, не знаешь, что писать о человеке. Вроде, сделал все, что положено – родился, вырос, трудился, женился, вырастил детей, построил дом, посадил дерево, а зацепиться не за что. Все как у всех. И бывает наоборот. О человеке в пору писать романы, не то, что статью! При этом видишь, природа так богато наделила его талантами, что одной жизни не хватит для их осуществления, и остается некоторая досада, что не все удалось. Опережая события, могу привести один характерный для моего героя пример. Он одновременно работал освобожденным депутатом Государственного Совета Республики Татарстан, председателем Союза писателей республики и профессором кафедры педагогического университета. И так всю жизнь – на нескольких местах. Многие, наверное, узнали, о ком идет речь. Потому что **Фоат Галимуллин** – человек известный не только в Татарстане, но и за его пределами.

Очень часто от людей приходится слышать, что его повсюду «не пущали». Он рассказывает, как пробивался, как было трудно. Во время беседы за чаем Фоат Галимуллин вспомнил только один случай, когда ему, ученику средней школы, не дали в Кукморе общежития. А у матери средств, чтобы платить за частную квартиру, не было, и пришлось вернуться в деревню. Чаще всего его одновременно приглашали работать сразу в несколько мест, о которых мечтали тысячи. В частности, солистом Государственного ансамбля песни и танца ТАССР и диктором Гостелерадио республики. А ведь он уже был инструктором райкома КПСС, и впереди маячила перспективная парторбота. Потом пригласили преподавателем в пединститут, выбрали деканом факультета, уговорили стать председателем Союза писателей.

Дети 41-го года. Фоат Галимуллин – один из тех, чье детство и подростковые годы пришлось на суровые годы Великой Отечественной войны и тяжелое послевоенное десятилетие. Ему было 3 месяца, когда отец, владевший тогда редкой у татар профессией кузнеца, ушел на фронт. И погиб в боях в первые дни контрнаступления под Москвой. Свидетелем гибели стал его земляк из деревни Уркуш. Он увидел, как человек, весь в крови, успел крикнуть: «Я – кузнец деревни Арпаяз – погибаю здесь!» Возвращаясь с фронта, он зашел в Арпаяз и рассказал об этом. После войны всем было нелегко, а уж сиротам – тем более. Но мать с бабушкой, несмотря на все трудности, сумели сохранить корову, и Фоат не помнит голода.

Необходимо сказать, кроме генов, человека еще формирует окружающая среда. Фоат Галимуллин до сих пор с большой теплотой вспоминает своих учителей: классного руководителя Каима абы и учительницу татарского языка Гульсум апа. Первый, вернувшийся с фронта живым, здоровым, очень жалел сирот, детей своих погибших товарищей. Старался поддерживать их и теплым словом, советом, ухаживал даже помогать деньгами. Фоат Галимуллин до сих пор помнит, как классный руководитель какими-то путями выделил ему новую шапку, а позже телогрейку. До-

Рифат КУРБАНОВ, доктор наук, профессор

Балловень судьбы

броды воспитывает доброту. А учительница татарского языка, как настоящий педагог, видимо, первой почувствовала задатки чтеца у деревенского мальчишки. Она начала давать ему стихи Мусы Джалиля, чтобы он выучил их и декламировал перед другими. Ни она, ни Фоат тогда еще не думали, что поэзия станет делом его жизни. Но как важно заметить талант и направить его в нужное русло.

После неудачи со средней школой Фоат – будущее светило науки – 2 года работал в колхозе плугарем. А что это такое, сейчас мало кто знает. В любую погоду, и в холод, и в дождь, на семи ветрах, под открытым небом, в пыли и грязи регулировать глубину вспашки – это очень тяжелое занятие даже для взрослых мужчин. А Фоату было всего 14 лет. Но, говорят, нет худа без добра. На этой работе Фоат окреп и подрос.

Отец Фоата был не только деревенским кузнецом, но и гармонистом. В деревне долго вспоминали, как всю ночь перед уходом на фронт он на горе над Арпаязом играл, а друзья пели. Видимо, опять гены. Его сын Фоат тянулся к соседу, слепому гармонисту Яхуд абы и научился играть на гармонии. Это сыграло большую роль в его жизни. Деревенская молодежь решила поставить спектакль «Галиябану». Но вышла проблема с ролью Халила – никак не могли найти, кто бы играл на гармонии и пел. Договорились с Фоатом. Но тут заартачилась исполнительница роли Галиябану, которая была на несколько лет старше Фоата. Мол, не буду я играть с подростком. Но когда увидела его, окрепшего, рослого, с радостью согласилась. И пошло, поехало. Уже в клубе все мероприятия начали проходить при участии Фоата. И когда заведующего клубом избрали председателем сельского совета, он на свое место предложил Фоата. Ему было 16 лет. Парень поступил в Татарское республиканское культурно-просветительское училище. Его перевели руководителем самодеятельного театра при Кукморском районном доме культуры, которому впоследствии было присвоено звание народного театра.

Но тут армия, учеба на радиотелеграфиста. Молодого коммунистического солдата заметили и избрали освобожденным секретарем комсомольской организации. В 1965 году страна впервые отмечала победу в Великой Отечественной войне и была выпущена юбилейная медаль. Отличника боевой и политической подготовки сержанта Галимуллина наградили медалью «XX лет Победы в Великой Отечественной войне» при этом, отметив, что он – сын солдата, погибшего под Москвой. Фоат Галимуллин очень гордится этой наградой и считает, что это медаль его отца.

После армии его сразу же берут инструктором райкома партии. В 1967 году был объявлен Всесоюзный конкурс художественной самодеятельности, посвященный 50-летию Советской власти. Фоат Галимуллин побеждает на республиканском отборочном конкурсе. Предстоит отстаивать честь республики во всероссийском конкурсе. Фоата на три месяца отзывают в Казанскую консерваторию, где его научила культуре пения профессор Зухра Байрашова. В итоге – звание лауреата. Его с поезда встречает руководитель Республиканского ансамбля песни и пляски Джавид Кутдусов и предлагает стать солистом ансамбля. Записывают несколько песен для радио. Ведущая радио предлагает рассказать о выступлении на конкурсе. Когда Фоат Галимуллин начал рассказывать, ведущая вдруг выбегает из студии и возвращается с группой людей. Когда он закончил говорить, один из слушавших (впоследствии выяснилось, что это был заместитель председателя Гостелерадио ТАССР по радиовещанию Фатиха Фазуллин), объявляя его и говорит: «Нам нужен именно такой диктор! Приходи к нам!» Так он становится диктором радио. А ведь тогда телевидения толком не было.

И его нежный, ласкающий баритон в течение 60-70-х годов ежедневно звучал по радио в каждом доме и стал очень узнаваем. Фоат Галимуллин вспоминает, как на краткосрочных курсах в Москве, где он был единственным диктором из автономных республик, их обучал сам Левитан. В конце обучения Левитан заявил: «Кто из вас скажет «говорит Москва» как я, тому сюрприз». И его устроило только произношение нашего героя, а сюрпризом оказались два билета в ресторан «Седьмое небо» в Останкинской телебашне. Наставниками Фоата были знаменитые мастера слова Айрат Арсланов, Камал Саттарова, выдающиеся артисты Фуат Халитов, Габдулла Шамуков, Анвар Губайдуллин, режиссер радио Гусман Ахметзянов, которых Фоат Галимуллин вспоминает с особой теплотой.

Неуемное стремление к познаниям и еще детское желание стать учителем толкают Фоата Галимуллина к поступлению на историко-филологический факультет Казанского государственного педагогического института, после окончания которого его пригласили на должность ассистента кафедры татарской литературы. Но он практически всю дальнейшую жизнь совмещал работу в институте с работой на радио. В 1980 году Ф.Г. Галимуллин защитил кандидатскую диссертацию, а в 1999 году – докторскую по филологии на тему: «Соотношение эстетического и социологического в татарской литературе 1920-1930 гг.». Через год ему было присвоено ученое звание профессора. Он прошел все ступени вузовского преподавателя: ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор. С 1986 по 1991 год был деканом историко-филологического факультета, с 1995 по 2011 работал заведующим кафедрой татарской литературы.

Научные интересы Ф.Г. Галимуллина разнообразны: изучение истории и закономерностей развития татарской литературы; исследование диалога культур и литератур; теория и практика выразительного учения; проблемы преподавания татарской литературы в вузе и общеобразовательной школе. Кроме того, он активно работал в области литературной критики. За плодотворную деятельность в изучении и пропаганде татарской литературы ему присуждена республиканская литературная премия имени Джамала Валиди. Фоат Галимуллин – один из наиболее видных участников современного литературного процесса, его работы в совокупности представляют собой летопись развития современной татарской литературы. Кроме того, ученый принимает активное участие в написании учебников для школы. Он результативно руководит аспирантурой. Его ученики – кандидаты и доктора наук – успешно работают в различных вузах и научно-исследовательских институтах.

В 1999 году Фоат Галимуллин был избран народным депутатом Верховного Совета Республики Татарстан на постоянной основе, а в 2004 – депутатом Государственного Совета Республики Татарстан.

Важной вехой в деятельности Ф.Г. Галимуллина является его работа на посту председателя Союза писателей Татарстана (1999-2005 годы). Своим главным достижением на этом посту Фоат Галимуллин считает то, что удалось сохранить единство Союза и настроить его на созидательный лад. Он также был избран секретарем правления Союза писателей России.

С женой Файрузой (об истории их любви можно писать отдельно) они вырастили дочь и сына. Альфия уже доктор наук, а ее сын Айдар завершает аспирантуру. Сын Фарит кандидат исторических наук. Сегодня самое любимое существо Фоата Галимулловича – ее внучка Амина, которой 5 лет.

Одним словом счастливый человек. Балловень судьбы.

Рустам ЯМАЛЕЕВ

Молодежь Москвы какой её хочется видеть...

Рустам Фаизович Ямалеев — меценат, бизнесмен, отец троих детей и просто неравнодушный сын своего народа. За последние годы многие яркие татарские социально-культурные события в г. Москве состоялись не без поддержки главы инвестиционной компании «Стройиндустрия». За содействие делу сохранения национальных обычаев и традиций он был отмечен благодарственными письмами и наградами от Президента Татарстана, полпреда Татарстана в России. Больше всего ему нравится помогать молодежи.

— Рустам Фаизович, московская молодежь, участники Совета татарской молодежи при полпредстве Татарстана в России Вас, казалось бы, хорошо знают, как отзывчивого человека, готового выслушать и разделить их творческие идеи, помочь. Расскажите немного о себе, о Вашей семье, о родном крае.

— Я родился в небольшом городе Мензелинске тогда еще Татарской АССР. Мой отец Фаиз Нурмухаметович Ямалеев был председателем колхоза в Мензелинском районе, руководил службой быта в четырех районах Татарстана. Мама работала воспитателем в детском саду. Рос вместе со старшей сестрой — моим лучшим другом и защитником.

Отец был не только крепким хозяйственником, выражаясь современным языком, эффективным менеджером, но и выдающимся во всех отношениях человеком. Играл на гармонии так, что заслушаешься, лучше всех был в беге, в шахматах. Первый цикл программ Театра юмора и сатиры «Мунча ташы» сделан по его рассказам. Мне всегда хотелось быть похожим на него, соответствовать ему.

Так получилось, что в школе до третьего класса учился с Рустамом Тарико (предприниматель, владелец холдинга «Русский стандарт» прим. ред.) и старшим сыном Минтимера Шаймиева Айратом. Учились все хорошо. Потом семьей мы переехали в Нижнекамск, там и закончил школу, поступил в Казанский химико-технологический институт.

Уже работая на производстве Нижнекамскнефтехима, я совмещал работу мастера ремонтно-механического цеха по обслуживанию оборудования перегонки сернистой нефти с должностью первого заместителя секретаря комсомола. То есть вел активную общественную работу по делам молодежи.

— Значит, уже в те годы Вы заинтересовались делами и проблемами молодежи?

— Да, мне всегда было безразлично, о чем думает, чем живет подрастающее поколение. И в этой связи хотелось бы выразить благодарность за возможность этого интервью и обращения к нашей московской татарской молодежи. Не будет откровением, если я скажу, что большинство нашей молодежи стесняется отчего-то своего происхождения, плохо знают родной язык или неохотно на нем говорят. Я сам часто замечаю в парикмахерских, банках или поликлинике, допустим, сотрудник — наш земляк, татарин, тут же приветствую его на родном языке, а меня не поддерживают. И берет досада — отчего это в столице России, где проживают около 500 тысяч татар — мы стесняемся говорить на своем языке. Складывается ощущение, что для многих из нас — Москва не родной город, а мы лишь в гости приехали, не хочу сказать «понаехали». Даже какое-то отчуждение есть друг к другу — пора уже сблизиться в общем понимании, что мы татары — коренной, государствообразующий народ, носители красивейшего языка, богатейшей многовековой уникальной культуры. Пора осознать, что Москва — это наша столица, за которую воевали наши предки, отстаивали ее. Мы ответственны за будущее нашего города наряду с представителями других братских народов.

Но согласитесь, что в последние годы в Москве татарское молодежное движение развивается, мероприятий и проектов с национально-культурным контекстом становится больше...

Это действительно так. Меня радует, что в Москве открывают памятники нашим известным поэтам и писателям

— Габдулле Тукаю, Мусе Джалилю, появляются интересные молодежные инициативы, такие как проведение экскурсий «Москва Татарская», в Кремлевских залах проводятся концерты с участием почти 5 тысяч татар. Но тем не менее, считаю, что не достает нам плодотворного серьезного общения. В конце 90-х, когда переехал в Москву со своей семьей, я тут же присоединился к «Клубу 16», где проводились встречи с татарскими земляками. «Умом, честью и совестью» таких встреч был тогда первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР, а потом уже Председатель Российского фонда федерального имущества Фикрят Ахмеджанович Табеев — друг нашей семьи, мой учитель и наставник. Он всегда вдохновлял нас — московских татар на достижение весомых результатов, на победы, на сплочение друг с другом. К сожалению, в прошлом году его не стало. И в определенной степени я считаю себя хранителем и продолжателем «табеевских заветов».

— И что Вы завещаете сегодняшней молодежи, на что обращаете их внимание в первую очередь?

— Мне просто хотелось бы, чтобы наша московская молодежь осознала и несла ответственность за чистоту и нравственность своей культуры. Так как все начинается с семьи, я бы пожелал юношам и девушкам бережней относиться к друг другу, серьезно подходить к вопросу ни кляха, созданию семьи. Татарский мужчина должен быть работящим, ответственным за свою жену, детей. Про необходимость быть честным, так сказать правильным мусульманином я уже не говорю, потому что вопрос веры — он сокровенный, для этого нужно быть поистине зрелым человеком. Но при этом и соблюдение общечеловеческих ценностей, основанных на любви и взаимном уважении, должно оставаться в приоритете. Большую надежду я возлагаю на наших детей, внуков — именно через них должно произойти возрождение нашей культуры и ее основы — родного языка.

— У Вас трое детей — сын и две дочери, а как вы воспитываете своих детей?

— В нашей семье культивируется уважение к старшим, взаимоподдержка. Мы ведем здоровый образ жизни, на столе только халальные продукты (*разрешенные исламом* — прим. ред.), алкоголь — исключен, спортом стараемся заниматься по мере сил и возможности.

— А в семье на каком языке говорите?

— К сожалению, мои дети росли уже не в Татарстане и татарским языком должным образом не владеют. Но мы восполняем этот пробел: в семье теперь стараемся говорить только на татарском, я включаю татарскую музыку, приглашаю в дом интересных людей, знакомимся с новыми татарскими семьями. Сейчас есть татарские онлайн курсы по изучению языка — удобно. Можно учить язык, не выходя из дома. Младшая еще школьница — у нее побольше времени на это, средняя в институт сейчас поступает, сын работает. А вообще, самое главное, я хочу, чтобы они были счастливыми, чтобы нашли свое место в жизни и были полезны людям.

Еще раз подчеркну, я не призываю идти на демонстрации с лозунгами «Мы — татары выше звезд!». Но каждый должен начинать с себя — со своих мыслей, со своего поведения, образа жизни, поступков. Стараться совершенствоваться в своей профессии — одна из важнейших составляющих. Если ты работаешь дворником, у тебя должен быть образцовый двор, если ты таксист — всегда чистый автомобиль, аккуратный внешний вид, вежливое отношение к пассажирам, желательное в совершенстве знать, кроме русского и родного языка, еще и английский язык, чтобы иностранцам было приятно при общении с тобой. Так хочется, чтобы люди вокруг про нас говорили: «Ох, какой молодец этот татарин... У него все получается. Берите с него пример!»

— Кто для Вас лично является таким примером? С кем Вы общаетесь?

— К счастью, примеры у нас есть и их достаточно в области культуры, политики, силовых структурах, спорте. Я

дружу с теннисистом Маратом Сафиним, телеведущим Максимом Шарафудиновым. Для меня честь лично знать генерала армии Махмута Гареева, легендарных кардиохирургов Рената Акчурина, Рината Саитгареева. Среди молодых москвичей — это популярный диджей Радик Яруллин, многие наши артисты. Хочу сказать, что при желании каждый из нас может добиться успехов в своем деле, начинать можно и нужно с малого. А усердия и трудолюбия нам — тата-

Моя семья

рам не занимать. Вот только иногда мы бываем излишне скромными и застенчивыми.

— И вот как же тогда этим застенчивым, да еще молодым, неопытным москвичам себя найти в этой жизни, как реализовать свои мечты, к кому обращаться?

— Хочу сказать, что не нужно никогда ни от кого ничего ждать. Ни от государства, ни от знакомых, ни от кого бы то ни было. Нужно начинать дело делать. Вы молодой, найдите настоящих друзей-единомышленников, подружитесь с ними, общайтесь. Можете организовывать вместе культурные вечера, мастер-классы, соревнования, местные Сабантуи, праздники устраивать. Если в университете, где учитесь, нет татарстанского землячества, то создайте его. Недавно в подмосковном г. Видном один такой молодой активист по имени Феликс достиг того, что открыл татарский культурный центр. Это же так здорово и приятно.

В конце концов, если нужны рекомендации, подсказки, поддержка, то приходите на встречи, которые я уже более 10 лет провожу на Таганке. Среди нас много уважаемых в городе, в стране москвичей, в том числе татар и выходцев из Татарстана, много молодежи, и я буду рад, если этот круг будет расширяться.

Признаюсь, у меня тоже есть мечта, которая пока не осуществилась. Я мечтаю о молодежном коттеджном поселке в пределах столицы или области, где соседствовали бы и наши татары (Р.Я. занимается малоэтажным строительством в Московской области — прим. ред.). В моем представлении и инфраструктура должна быть соответствующая: детские сады, ясли, школы, больницы, фитнес клубы, культурные центры. Надеюсь, что при всеобщей поддержке и энтузиазме эта сказка может стать былью. Еще мечтаю об отдельном татарском театре в Москве, чтобы фильмы снимали художественные многосерийные о жизни нашего брата. В общем, желаний много и верю, что будет кому их воплощать в жизнь.

— Считаете ли Вы себя продолжателем традиций Морозова, Юсупова, Бахрушина?

— У меня, конечно, ни тот уровень, как у этих уважаемых господ, но, что в моих возможностях, стараюсь делать. Конечно, каждый просвещенный гражданин, в том числе татарин, должен отдавать определенный процент от своего дохода на благотворительность — закят, и вообще помогать по мере сил малоимущим. Об этом в священном Коране сказано. И мы должны этому следовать.

— Впереди нас ждет Сабантуй, в том числе Московский сабантуй. Расскажите, за что Вы любите этот праздник? Какой Сабантуй Вам запомнился больше всего? Какое место, на Ваш взгляд, он занимает в жизни нашего народа?

— Сабантуй — мой самый любимый праздник с детства. Всей семьей его ждали целый год. По такому случаю нам детям специально покупалась нарядная одежда — рубашка, ботинки. Правда в новых ботинках было неудобно бегать, и мы — дети их потом сбрасывали и играли уже босиком. И стремились поучаствовать во всех конкурсах: и яйцо в ложках носили, и бегали в мешках, и соломенными мешками бились. Изюминкой Сабантуя — всегда была, конечно, борьба-курэш. Мой папа был неизменным судьей и сам был знатным борцом.

И до сих пор мы с предвкушением всей семьей ждем этот праздник и посещаем 5-6 региональных сабантуев — в Москве, в области, в Татарстане. Приглашаю всех на Сабантуй в Москве 17 июля, где собираются до 150 тысяч гостей. Я думаю, Сабантуй — это знаковый кульминационный праздник не только потому, что знаменует собой окончание полевых работ. Он воплощает в себе весь фольклор татарского народа, все грани национальной культуры. И потому, я повторюсь, так необходимо привлекать нашу московскую молодежь на мероприятия такого масштаба, развивать патриотизм, чувство сопричастности к великому и родному. Учить любить и понимать родной язык, уважать традиции. Вы поймите, то, что мы сейчас успеем привить нашим детям, молодежи даст свои плоды через 20-30 лет. Именно от нас зависит, какими станут гражданами страны наши дети, наша молодежь, как они будут чтить традиционную культуру своих предков и знать родной язык. Поэтому действовать нужно сейчас.

Беседовала

Лилия САФИНА,

журналист, главный редактор сайта Совета татарской молодежи Москвы TatarPortal

Среди молодежи Москвы

С НИМ НЕ БОЯЛИСЬ ИДТИ В РАЗВЕДКУ

Что такое память о Великой Отечественной войне для каждого из нас?! Это, наверное, в первую очередь - память о великих сражениях и подвигах, о небывалом людском порыве, о величии духа и героизме, проявленных народом. Но есть и другое измерение - это семейная память о наших родных и близких, жизнь которых опалила война. Это и фотоснимки её рядовых участников, сохранившиеся в семейных архивах, и воспоминания о них, которые очень дороги нам, внукам и правнукам победителей. Своим рассказом об отце-фронтовике с читателями «Татарского мира» делится экскурсовод и преподаватель Основ ислама в воскресной школе при Соборной мечети Москвы Зифа Нуреева. Ее отец Аммяр Летфуллович Феткуллин прошел Финскую и Великую Отечественную. Он полный кавалер Ордена Славы, удостоен Ордена Отечественной войны I степени, медалей «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией», «За доблестный труд» и многих других наград.

Помню, как мы с сестрами и братьями встречали отца с работы, а он, несмотря на усталость, всегда находил время, чтобы поиграть и поговорить с нами. Мы сидели пить чай, уютно устроившись на его коленях. Даже когда он приходил поздно с работы, всё равно мы дожидались его, чтобы послушать сказки, которые он нам рассказывал.

Мой отец, Феткуллин Аммяр Летфуллович, родился 15 февраля 1918 года в селе Красный Остров Сеченовского района Нижегородской области. Его дед Фетхулла был старостой сразу в двух деревнях. У него были две мельницы, два пятистенных больших дома, улья... А отец моего отца - Летфулла бабай - был купцом, имел свою мануфактуру. Он очень часто был в разъездах по торговым делам. Однажды в Астрахани заразился тифом и по возвращении домой скоропостижно скончался. Было ему всего 33 года. Моя бабушка, на печенении которой было трое детей, осталась без кормильца. Жить стало очень тяжело. К тому же все, что откладывалось на «черный день» украло воры. Это были очень тяжёлые для нашего народа времена: 1917 - 1922 годы.

С 12 лет мой папа трудился в колхозе на полевых работах, а его мама (моя бабушка - Сафия эби) работала поваром. Его младшая сестра - Майря апа с 15 лет была полноправной колхозницей, а в годы войны была удостоена медали «За доблестный труд». В возрасте 18 лет молодой, полный сил и мечтаний папа уехал в Москву устраиваться на работу - осваивать профессию каменщика.

17 июля 1940 года Замоскворецкий РККА города Москвы призвал отца в ряды Советской Армии. Вначале он обучался в школе снайперов (596 стрелковый полк), после чего был отправлен на финскую войну. По рассказам отца много снайперов противника «снял» он своей меткой винтовкой. Очень часто приходилось подолгу лежать на снегу в засаде. Однажды он обморозил ноги. В госпитале врачи посчитали, что без ампутации не обойтись, но отец не дал согласия. И каким-то чудом ноги все-таки удалось сохранить.

Мои родители: Аммяр Летфуллович и Зяйтюна Зариповна

Отец вспоминал: «Когда началась Великая Отечественная война, я воевал на финской границе в районе Кандалакши. Осенью должен был вернуться домой» (в это время у моего папы заканчивался срок службы). Но не посчастливилось ему побывать дома, его отправили на фронт в качестве снайпера. «Быть снайпером - значит быть мишенью», - вспоминал отец. - Сначала ты стараешься выстрелить в такого же, как ты, снайпера-противника, потом - в командира врага, только потом в солдата». Много противников он «собрал» своей снайперской точностью, был удостоен благодарностей и медали «За оборону Советского Заполярья». 12 августа 1941 года был ранен разрывной пулей в правую руку немецким асом. Отец попал в госпиталь. После лечения 13 октября 1941 года он вернулся в свой боевой 596-й стрелковый полк. Снайпером он был отличным, поэтому противники объявили «охоту» на него. 12 апреля 1942 года отца тяжело ранил в голову (контузия), он теряет зрение, врачи в госпитале делают ему операцию на головном мозге. Всё обошлось и потихоньку зрение вернулось к отцу. 19 июня он вернулся в строй. После чего некоторое время находился в запасном полку. После ранения в руку он утратил снайперскую точность, но стрелять мог. Ему предложили перейти в разведывательное подразделение. 13 октября его направляют в разведывательный взвод 122-й дивизии. Там отец воевал до конца войны. Сначала он был разведчиком взвода, затем - полка, а затем - дивизии. Очень часто ему приходилось пробираться в тыл врага, добывать важные сведения и брать в плен «языка».

Из наградного листа Ордена Славы 3-ей Степени: «Товарищ Феткуллин Аммяр с сентября 1942 года находится в разведроты. За это время более ста раз ходил на выполнение боевых задач: на фланг и тыл противника. Участник боёв 1941-1942 гг. в районе Куоляярви и высота Лысая. За время летних боёв 1941-1942 гг. имеет два ранения. При отражении атаки противника с фланга 10.07.41 г. был ранен в районе Куоляярви, где уничтожил нескольких немцев. А также в районе высота Лысая ранен 11.09.41 г. Сам лично в отражении атаки противника уничтожил 3 фашистов. 22.03.1942 года на переднем крае обороны противника, участвовал в налёте с фланга на опорный пункт про-

тивника под командованием офицера Костыгина, где 22.03.1942 г. был тяжело ранен. В разведке 12.12.1942 года в районе оз. Лохти Ярви, участвовал в захвате 2 пленных. При выполнении боевой задачи 16.06.1943 года под командованием офицера Корякова в районе высоты 220 принимал участие в прикрывающей группе с фланга. Тем самым способствовал в захвате пленного. Сам лично уничтожил 2 немцев... За мужество и смелые действия в бою тов. Феткуллин достоин награждения правительственной награды Ордена Славы 3 Степени. Командир отд. развед. роты 122 о.я. Капитан Спиридонов. 11 июля 1944 г.»

Отец рассказывал о своем командире Корякове, который был родом с Дальнего Востока, как об очень умном, смелом и опытным разведчике. «Когда брали «языка», командир уже по дороге в штаб опрашивал пленного. С таким командиром не так страшно было идти и в тыл врага», - вспоминал он. Перед окончанием войны Коряков окружил немецкий штаб и взял в плен двух немецких генералов.

В сентябре 1943 года отец снова был ранен в голову. Снова - госпиталь и сложная операция. В январе 1944 года он возвращается на фронт в свою разведроту.

В разведке главным показателем оценки человека являются смелость и доверие. Не зря бытует выражение: «С этим человеком я бы пошёл в разведку». Папа ходил на задания, брал «языков», снабжал командование сведениями о противнике. Командира Корякова повысили (он стал командиром полка, а затем и дивизии) и вместо него пришёл новый командир. Однажды во время одной из вылазок во вражеский тыл отряд претерпел неудачу - попал в засаду. В бою погибла основная часть группы. Майор был ранен. Немцы приближались, отец мой бросился на помощь, взял на плечи командира и побежал в

лес. А немецкие пули свистели вокруг него, свистели под ногами, вся шинель была в дырках от пуль. Хорошо спрятав командира, он побежал за подмогой. Встретив наших танкистов, сел на первый танк, и поехал отбивать своих.

Из наградного листа Ордена Красной Звезды: «Будучи в окружении в селе Чес с 11 по 15.02.1945г. тов. Феткуллин делал вылазки в расположение противника и давал ценные сведения командованию. При высадке танкового десанта противника в расположении наших войск тов. Феткуллин автоматным огнём уничтожил 3 немцев.

При получении задачи от командира 420 КПС вывести наши части из окружения тов. Феткуллин первым отыскал путь выхода и вывел наши части без потерь из окружения.

При выполнении боевой задачи 10.03.1945 г. в селе Драва-Соболч тов. Феткуллин первым подполз к дому и забросал его гранатами и поднялся в атаку, вовлекая за собой своих товарищей, после чего он с группой 5 разведчиков занял дом и захватили 2 пленных, 1 мотоцикл, 2 пулемёта и уничтожили немцев. Тов. Феткуллин удостоен правительственной награды Ордена Красной Звезды.

Командир отдельной Разведывательной роты 122 Стрелковой дивизии лейтенант Григорьев, начальник разведотделения 122 Стрелковой дивизии майор Диденко. 27.03.1945 г.»

Воевал папа смело и отчаянно! Командир дивизии посчитал отца достойным Ордена Славы II степени. Совсем недавно об этом нам сообщил представитель из Министерства обороны.

Помню, отец рассказывал о своём лучшим боевом друге, пензенском татарине Абдурахмане Акмееве: «...делились куском хлеба, в боях лежали под одной шинелью, вместе читали письма и писали ответы на них и мечтали вернуться в родные края. Но судьба распорядилась иначе. Мой боевой друг погиб в Венгрии под городом Хорват при переходе реки Драва. Первое отделение, где находился я, успело переправиться, а второму отделению, где был мой друг, не повезло, фашисты открыли огонь и за короткое время уничтожили целое отде-

ление. Мы открыли ответный удар и прогнали немцев. После боя нашёл тело своего друга, сильно горевал... Похоронил его на высоком берегу реки Дравы. Так расстался со своим боевым другом. Написал письмо ему домой о произошедшем случае, было очень жалко и обидно за своего друга и было трудно сообщать близким о его гибели».

Помню, как отец рассказывал об освобождении Польши, где вовели за каждый дом, за каждый двор, за каждую улицу. Однажды бойцы отвоевали дом, в котором жил богатый поляк. В погребке оказалось очень много провизии: мясо, тушёнка, мука, консервы... То-то было радости у бойцов, когда отец напек перямецей и устроил настоящее татарское застолье!

Когда отец вернулся с войны, весь он был в шрамах. Этот смелый и сильный по духу человек, прошёл военный путь героически, не позволил себе струсить или поддаться слабостям. В День Победы он находился в разведке под Будапештом. Чувство огромной радости переполняло его. Обратный путь домой тоже был нелёгким - по дороге они уничтожили или брали в плен фашистов. Он рассказывал, что от долгой ходьбы все ноги были стёрты в кровь.

В январе 1946 года папа вернулся в родное село Красный Остров, сразу женился на девушке, которую заметил ещё перед войной. Он рассказывал, что в серьёзных боях или перед атакой говорил себе: «Если вернусь целым и здоровым, то женись на ней». Так и сделал: женился на статной и красивой Зяйтюне Зариповне. Все военные годы молодой боец и девушка писали друг другу письма. Они создали прекрасную семью, в 1947 году родилась их первая дочь - Гульнур. В 1950 году отца отправили работать на лесопилку в Лысково. Родители рассказывали об очень тяжёлых послевоенных годах, когда люди сотнями умирали от голода.

В дальнейшем у моих родителей родилось 12 детей, но четверо из них умерли в раннем детстве от разных болезней. Вырастили восьмерых детей: трёх сыновей и пятерых дочерей. А в 1991 году погибла 25-летняя дочь Дина со своим сыном Рафазлычком. Это горе сильно потрясло родителей и нас - братьев и сестёр.

Во время войны отец дал себе обет, что никогда не пройдёт мимо нуждающегося в помощи. И он был верен своему слову. Помню, как зимой притащил домой замерзшего человека. Отогрев, покормив его, проводил до дома. Были случаи, что и ночевать у нас оставались, особенно зимой. Свет у нас горел до поздней ночи, как маяк для путников.

Всю жизнь отец работал в своём родном колхозе. Умер в 2003 году в возрасте 85 лет, прожив хорошую, достойную уважения окружающих людей жизнь. Мы, его дети, гордимся нашим отцом, он был для нас примером во всём. Благодаря таким героическим людям наша страна победила страшную войну с фашистской Германией. На долю наших родителей, их поколению, выпало огромное испытание. Низкий поклон и огромная благодарность им. Наш долг всегда помнить и рассказывать об их героизме.

Алия ГАЛИМОВА (ЛАЙШЕВА)

Делал то, чего боялись другие

В Татарском культурном центре Москвы прошел вечер, посвященный выдающемуся татарскому композитору Шамилю ШАРИФУЛЛИНУ. Он известен как автор первого произведения для органа в Татарстане, множества симфонических и камерно-инструментальных сочинений, песен и романсов... Особое место в его творческом наследии занимает уникальный хоровой концерт «Мунаджаты», написанный на основе древней татарской традиции мусульманского песнопения. В течение вечера мусульманской публике были представлены ученые труды Шамиля Шарифуллина, прозвучали фортепианные и вокальные произведения, показаны фрагменты из фильмов о нём. О талантливом композиторе рассказали его дочь - арт-менеджер и общественный деятель Гузель Абулханова, а также многие его ученики и почитатели.

©Рубином Абдуллиним и Назибом Жигановым

Шамиль Шарифуллин родился 13 сентября 1949 года в поселке Фараб в Туркмени. Предки по материнской линии мурзы Каратаевы были наделены землями близ Симбирска (Ульяновска) в деревне Старая Кулатка, в роду было шесть поколений имамов. В трудные 20-е годы в поисках лучшей жизни бабушка Халима Алимджановна Каратаева и дедушка Яхья Шабанович Каримов отправились из Поволжья сначала в Азербайджан, затем в Туркмению. Их старшая дочь Лейла Яхиевна (будущая мать композитора) познакомилась со своим будущим мужем Камилем Сунгатуллиновичем Шарифуллиным именно там, в Средней Азии.

Родители Шамиля не были музыкантами, но мама прекрасно пела, а отец играл на скрипке и мандолине, а впоследствии освоил и науку настройки фортепиано. По вечерам дома часто устраивались домашние концерты, по праздникам собирались дружные интернациональные компании, где каждый из гостей пел свои любимые национальные песни. Чуткий музыкальный слух Шамиля впитывал все это многообразие. Когда ему было 13 лет, он услышал по радио увертюру из оперы Вагнера «Тангейзер». Она его ошеломила своей образностью и Шамиль сознательно захотел серьезно заниматься музыкой. Он попросил родителей купить ему баян, и они поддержали его. В то время единственным местом, где можно было получить элементарное музыкальное образование, был клуб при хлопкозаводе в городе Чарджоу, куда и стал регулярно ездить Шамиль. За полтора года был пройден весь курс музыкальной школы-семилетки, получена справка, и Шамиль поступил в ашхабадское музыкальное училище. Окончив два курса, он перевелся в казанское музыкальное училище: поближе к исторической Родине предков.

В Казани он занимался у замечательного педагога Василия Павловича Плетнёва - отца знаменитого пианиста и дирижера Михаила Плетнёва. Вставал в 4 утра, чтобы успеть в училище занять класс. Результатом упорного труда стала победа на Всероссийском музыкальном конкурсе молодых исполнителей Поволжья, где он занял третье место. В это же время Шамиль увлекся композицией и представил на суд жюри казанского музыкального училища несколько своих работ: «Скерцо» для двух баянов и романс на стихи Мусы Джалиля «Карашларың».

В 1969 году Шамиль Шарифуллин поступает в Казанскую консерваторию на факультет народных инструментов. Ему пророчат прекрасное будущее солиста-баяниста, но на последнем экзамене в коридоре консерватории он встречает профессора А.С.Лемана, который убеждает его подать документы на другой факультет: теоретико-ком-

позиторский. Так Альберт Семенович сыграл ключевую роль в судьбе будущего композитора.

В Союз композиторов Татарской АССР Шамиль Шарифуллин вступает в 1974 году. Тогда же году появляется на свет первое в татарской музыке сочинение для органа - «Вариации». Кроме того, он завершает восемь обработок народных песен для голоса и фортепиано.

Еще ребенком Шамиль не раз слышал, как его бабушка поет что-то очень красивое и незнакомое. Эти мелодии запомнились навсегда, и только позже он узнал, что это были мунаджаты. Мунаджат (менәжәт) - один из жанров татарского фольклора, тесно связанный с мусульманской традицией. В те времена был негласный запрет на всё то, что хоть как-то связано с религиями на всей территории Советского Союза.

Тем не менее с 1971 года, будучи студентом третьего курса консерватории, композитор начинает регулярно ездить в экспедиции в татарские села Ульяновской области, записывает там песни, мунаджаты, баиты, плачи и другие жанры татарского фольклора. Он занимался поисками народных песен на протяжении всей своей жизни. И в холод и в грязь, по бездорожью на тракторах он добирался до татарских и мордовских деревень, заходил в каждый дом и по крупицам собирал сокровища народной музыки.

С 1972 года Шамиль Шарифуллин работает заведующим кабинетом музыки народов Поволжья Казанской консерватории. Народный артист РТ, альтист Камил Монасыпов однажды рассказывал о том, когда он зашел в кабинет к Шамилю, увидел, что все стены снизу доверху были заставлены бобинами с магнитофонными записями. «Сколько тут всего?» - спросил он, не надеясь получить ответ, но в ответ было названо точное количество народных мелодий, и даны развернутые комментарии обо всем.

В 1975 году в возрасте 26 лет Шамиль Шарифуллин пишет хоровой концерт «Мунаджаты» в семи частях. В основу каждой части легли старинные напевы и мелодии. Первым слушателем хорового концерта стал ректор консерватории, народный артист СССР Назиб Гаязович Жиганов. Как рассказывал сам Шамиль Шарифуллин, после первого прослушивания произведения на ректорском белом роле в своем кабинете, Жиганов вскочил и выбежал из кабинета. Через несколько минут появился с проректором Семеном Басовским и попросил еще раз сыграть «Мунаджаты»... Они были сыграны еще раз, и воцарилось молчание, после чего Жиганов спросил Басовского, знает ли тот, что сейчас произошло? Басовский отрицательно покачал головой, на что Жиганов сказал: «Семён Зеликович, запомните этот момент! Вы присутствуете при рождении новой страницы в татарской музыке!»

После этого было принято решение об исполнении концерта хором Казанской консерватории под руководством профессора Семёна Абрамовича Казачкова. В течение двух месяцев руководитель хора не решался братья за столь сложную задачу, но всё-таки рискнул исполнить концерт «Мунаджаты» на Пленуме.

8 декабря 1975 года в Актовом зале Казанской консерватории впервые был исполнен концерт для хора молодого, тогда еще никому не известного композитора Шамиля Шарифуллина. Никто не знал, как примет публика новаторское произведение... Исполнение вызвало бурную продолжительную овацию зала, зрители скандировали «Браво!» и не отпускали исполнителей и композитора со сцены.

Вскоре хор был приглашен выступить в Клуб имени Г.Тукая, где тогда находился Союз писателей. На этом исполнении «Мунаджатов» присутствовали многие писатели Татарстана, среди которых были тогда еще молодой Равиль Файзуллин, а также Роберт Батуллин, Гульшат Зайнашева и общепризнанные мастера Гумер Баширов, Наки Исанбет, Сибгат Хаким.

И вновь была такая же бурная реакция зала! В частности, Сибгат Хаким сказал: «Шамиль, ты отчаялся сделать то, что мы боялись сделать, и о чем мы молчали много лет!» После продолжительных аплодисментов, воодушевленные музыкой писатели чуть ли не на руках несли молодого композитора.

Но не всё было так просто в дальнейшем. Практически сразу после триумфального исполнения премьеры два «доброжелателя» (известные в сфере искусства личности) побежали с доносами в Татарский обком КПСС и сообщили о том, что Шамиль Шарифуллин пропагандирует

религиозную тематику. Результатом этого «похода» стало наложение запрета на издание произведений композитора по всей России: повсеместно рукописи возвращали без объяснения и не издавали.

И только спустя двадцать восемь лет, в 2003 году, «Мунаджаты» были изданы в «Таткнигоиздате», хотя уже прочно вошли в репертуар многих хоровых коллективов, постоянно исполнялись на концертах и конкурсах по всему миру и даже звучали в 1987 году в Ватикане на фестивале хоровых культур.

В 1979 году Шамиль Шарифуллин поступил в аспирантуру Московской консерватории к Тихону Николаевичу Хренникову. В этот период им были написаны авангардное сочинение «Диалоги сфер» и концерт для оркестра «Джиен».

В 1985 году в Москве независимое жюри во главе с Родионом Щедриным вручило Шамилю Шарифуллину премию Союза композиторов России имени Дмитрия Шостаковича за концерт для оркестра «Джиен» и концерт для хора «Деревенские напевы». Это было непростое для Шамиля время, когда его прекрасные песни, которые спустя десятилетия войдут в золотой фонд татарского романса, не проходили худсовет по разным причинам, когда его рукописи возвращали назад, а коллеги по цеху не принимали новаторского музыкального языка.

Последнее произведение композитора, написанное специально для известного российского контр-тенора Рустама Яваева, тоже называется «Мунаджат», и оно являет собой величие и красоту татарской народной музыки, повествуя о суете всего земного...

Народный поэт Татарстана Равиль Файзуллин в 2002 году еще при жизни композитора сказал о Шамиле Шарифуллине следующее: «За последнее время из профессиональной татарской музыки ушли очень большие личности и таланты. Такие, как Назиб Жиганов, Рустем Яхин, Фасиль Ахметов... Пришло дикое время... Осталось чистое поле и на нём только фанатично преданные Большому искусству таланты. Среди них я считаю одним из первых Шамиля Шарифуллина, потому что он сочетает в своем творчестве глубокие и древние национальные корни, музыкальную современность и большую интеллектуальную силу».

К сожалению, напряженная работа, стрессы, подорвали здоровье композитора, и в 2007 году после продолжительной болезни в возрасте 58 лет он преждевременно ушел из жизни. Татарская музыка потеряла своего выдающегося деятеля.

Будучи профессором Казанской консерватории, Шамиль Шарифуллин подготовил плеяду учеников, среди которых такие известные имена, как Рустем Абязов, Риф Гатауллин, Ильгам Байтиряк, Марат Сабиров и другие.

На встрече в Москве, посвященной композитору, своими воспоминаниями об учителе поделились Вадим Шашкин и Александр Чернышов.

Вадим Шашкин, композитор: «Мне посчастливилось заниматься композицией у Шамиля Камилевича, будучи студентом 1 курса Казанской консерватории, куда я поступил в 1982 году на фортепианный факультет в класс профессора Ирины Сергеевны Дубининой. К Шамилю Камилевичу я попал волею Назиба Гаязовича Жиганова и совершенно об этом не пожалел, потому что открыл для себя удивительно талантливого человека и композитора. Отношения у нас были абсолютно на равных - теплые, дружеские и, не побоюсь сказать, больше, чем таковые: присутствовала истинная духовная связь. Он привил мне настоящую любовь к народному творчеству, поскольку сам возглавлял многие годы кабинет музыки народов Поволжья и владел этой темой на высочайшем уровне, во всех тонкостях и деталях. А так как по линии отца у меня чувашские корни, то Шамиль Камилевич, зная это, можно сказать, «с головой» окунул меня в кладь чувашской народной мудрости и живой песенной интонации. Как проходили занятия? Мы очень много слушали и анализировали классическую музыку, часто собирались в выходные дни у него дома. Всё это сопровождалось чаепитием, слушали музыку и приходили к пониманию того, что общепризнанные великие классики имеют свои национальные корни, этим они самобытны и неповторимы. Шамиль Камилевич избегал формального подхода к написанию музыки, всегда говорил: «Ты четко должен знать и представлять, о чем ты пишешь, что ты хочешь сказать звуками. И только тогда слушатель по-настоящему поверит тебе!»

Огромное значение он придавал музыкальной интонации, теме, лейтмотиву, и вот тут он всегда приводил пример: «Это как зерно, брошенное в почву. Какого оно будет

качества? И что в дальнейшем мы из него сможем вырастить? А вырастить - это умение работать с интонацией над ее развитием, как и куда ее можно повернуть, покрутить, повести». У Шамиля Камилевича было одно из любимых выражений: «Музыка, написанная квадратно-гнездовым способом». Так он отзывался об авторах, совершенно не умеющих работать с развитием музыкальной темы, ее разработкой, то есть речь опять шла о зерне, посаженном в почву: какое растение мы получим в результате, какое музыкальное сочинение мы сможем воплотить в жизнь. Он интересовался многими новыми современными течениями и направлениями, появившимися во 2 половине XX века, различными техниками письма. Но относился к ним лишь как к средствам выражения и не ставил их во главу угла. В центре его внимания всегда была живая интонация, и он считал, что народное творчество никогда не даст впасть в формализм... Все эти навыки я очень хорошо усвоил на уроках композиции у Шамиля Камилевича и надеюсь в дальнейшем претворить всё это в своем творчестве!»

Александр Чернышев, доктор искусствоведения, создатель журнала «Медиамузыка», лауреат российской молодежной премии «Триумф»:

«У Шамиля Камилевича я учился в середине 90-х годов и стал его последним учеником. Время тогда для культуры было непростое (впрочем, как и теперь). После упразднения СССР из реестра творческих профессий была исключена такая, как «композитор» (кстати, она до сих пор так и не восстановлена). Но мы тогда верили и надеялись, что за нашей профессией будущее. Шамиль Камилевич, как и любой профессиональный композитор, был личностью синтетической (мне есть с кем сравнивать, впоследствии среди моих учителей были такие корифеи, как Юрий Саульский, Юрий Холопов и Тихон Хренников). Он был не только художником, писателем, но и серьезным исследователем народной музыки. Вместе с ним её на уроках исследовали и мы, его ученики. Причём, не было никакого ограничения в каком-либо одном национальном фольклоре, например, татарском или русском. Мы знакомились и с древней тюркской, и с древней арабской, и с древней славянской музыкой и даже с еврейскими мотивами. Вероятно, важно на каком-то этапе своего творчества понять ценность тех «зёрен», которыми манипулирует композитор. Вслед за «синтетичностью», я приобщался к такой категории, как «ценность». Понимая, с каким трудом находятся «зёрна» (в «живой» речи, в культурном окружении, в нотах, в литературных произведениях, в аудиозаписях и т. д.), крайне трепетно начинаешь относиться к своему художественному материалу. Каждый малейший штрих партитуры становится важным и значимым. Кстати, этого «ценностного» ориентира сегодня не хватает многим композиторам, прикрывающим своё откровенно халтурное творчество термином «авангард». Многие в их творениях - откровенный «мусор» или, как называл его Шамиль Камилевич, «туманность Андромеды», который легко заменить другим «мусором», и сущность произведения от этого не изменится. Кроме стремления к синтетичности и ценностному отношению к творчеству, можно выделить в школе Шарифуллина ещё такой немаловажный момент, как стремление не воздвигать себе культурных «идолов»: равняться на выдающиеся образцы музыки, но не делать простых повторений, быть всё время в поиске, искать и не сдаваться...»

Рустам Яваев, приглашенный солист ГАБТ России, солист Москонцерта:

«Мои воспоминания о Шамиле Шарифуллине связаны с последними годами жизни композитора. Гузель Абульханова пригласила меня в Татарстан и Казань с концертами и познакомила с композитором в 2006 году. Беседа с Шамилем Камилевичем, я понимал, что мало знаком с татарской музыкой и ее традициями, историей и истоками зарождения национальной мелодии. Для меня Шамиль Шарифул-

Вадим Шашкин, Гузель Абульханова, Александр Чернышев, Зульфия Раупова

лин - скульптор-реставратор старинных и забытых фресок, бережно относящийся к родному языку и старинным мелодиям. Для него была важна не столько своя композиторская идея, а именно возрождение и сохранение тех традиций и истоков, которые были потеряны и забыты временем.

Думаю, музыка Шамиля Камилевича, как и его исследовательские находки, останутся бесценным даром и подарком для всех нас. Надеюсь, мы сумеем сохранить его труд, то, что он собрал по крупицам на протяжении всей своей жизни. Старое поколение сменяется новым, на смену приходят новые идейные и современные татарские композиторы, стремящиеся удивить всех и вся своей незабываемой и неординарной музыкой. Современное эстрадное веяние захватило и уничтожило самое главное: национальный мелос и культуру нашего многострадального народа. Мы забываем и теряем главное, то, что дает нам право называться татарами! Забери у любой нации духовную культуру, историю, традиции и память о предках, она исчезнет и будет забыта на века. Музыка, содержащая в себе национальный язык и самобытность, несущая в себе идейную и духовную культуру, останется в сердцах современников и будет жить многие века и столетия.

Последним творением композитора стал «Мунаджат». Думаю, это было неслучайно, так как на протяжении всей своей жизни он обращался к этому жанру в музыке. Пообщавшись со мной, узнав о моём творчестве, репертуаре и диапазоне моего голоса (контр-тенор), Шамиль Камилевич решил сделать обработку народной мелодии мунаджата для моего голоса, органа, скрипки и виолончели. Мне это было особенно близко, так как в моем репертуаре большая роль отведена духовной музыке. Напев мелодию, и ознакомив меня с историей создания мунаджата и переводом, Шамиль Камилевич пообещал через месяц сделать и вручить мне партитуру. Но по стечению обстоятельств мне пришлось приехать и спеть это сочинение уже на следующий год, после того, как композитора уже не стало, посвятив «Мунаджат» его светлой памяти. Это сочинение я с благодарностью и трепетом исполнял на своих концертах в России и за рубежом».

Шамиль Шарифуллин оставил великое наследие: это не только замечательные музыкальные произведения, но и научно-исследовательские труды, такие, как «Татарская народная музыка» - программа для детских музыкальных школ, «Антология-путеводитель по татарской народной музыке» в нескольких томах, «Традиционное книжное татарского народа» и др. Многие еще не изданы и находятся в рукописях. Задача современных музыкантов, любителей музыки и людей, не равнодушных к татарской культуре, сохранить это богатство, которое оставил нам Мастер: опубликовать неопубликованное, исполнить неисполненное. Сохранить и передать следующим поколениям.

25 мая в Государственном музее им. А.С. Пушкина на Гала-концерте IV музыкального фестиваля молодежи России и стран СНГ имени Фуата Мансурова «ТАЛАНТЫ СОДРУЖЕСТВА» впервые в Москве прозвучали два произведения Шамиля Шарифуллина - танец ногайцев-карагашей «Шибэлэ» из цикла «Татарские танцы» и «Сцена у дороги» из балета «Юсуф и Зулейха». Также было представлено интересное выдающегося дирижера Фуата Мансурова о Шамиле Шарифуллине.

Хочется верить, что о нашем великом татарском композиторе узнает всё больше людей и в России и за рубежом, что его музыка будет звучать на самых престижных сценах мира и пробуждать в людях светлое, доброе и вечное.

Ак калфак: возвращение к истокам

В Казани прошел IV Всемирный форум татарских женщин. Участие в нем приняли более 500 делегатов из 43 районов Республики Татарстан, 52 регионов Российской Федерации и 22 стран зарубежья, в том числе из Австралии, Турции, США, Украины, Китая, Франции, Финляндии, Казахстана, Литвы, Польши, Узбекистана, Эстонии, Чехии и других. Организаторами форума выступили «Всемирный конгресс татар» и общественная организация татарских женщин «Ак калфак». Основные темы обсуждения - язык, общество, семья, культура и образование. Своими впечатлениями о форуме с читателями газеты «Татарский мир» делится секретарь Совета Меджлиса Москвы и Московской области Лилия Мамалеева-Кадикова.

«Форум показал, что проблемы, волнующие татарских женщин, во всем мире почти одинаковы: сохранение национальной идентичности, языка и татарских традиций в семье. Очень много для этого значат татарские национально-культурные автономии, созданные в регионах. Их необходимо всемерно поддерживать, финансировать, способствовать развитию через пропаганду достижений историков, деятелей культуры, искусства и образования. Основой всему, несомненно, должны стать программы по сохранению языка.

Прекрасно, что в рамках форума делегаты смогли увидеть выступление ансамбля танца «Казань», посетить ярмарку-выставку товаров производства народных мастеров и ремесленников. Блестяще был организован праздник «Калфак туе» в Казанской ратуше. Праздник поэзии, посвященный 130-летию Г. Тукая, представил плеяду татарских поэтов. Торжественный концерт никого не оставил равнодушным.

На пленарном заседании IV Всемирного форума татарских женщин выступил вице-премьер Республики Татарстан, министр науки и образования Энгель Фаттахов. Он зачитал приветственное письмо Президента Республики Татарстан Рустама Минниханова. Министр ознакомил делегатов съезда с социально-экономической ситуацией в республике и пожелал успехов в работе форума.

С основным докладом о деятельности «Ак калфак», планах и задачах организации выступила Кадрия Идрисова. В прениях выступили: писательница Назифа Каримова, руководитель отделения «Ак калфак» Башкортостана Люция Вафина и другие.

Активистки татарского женского движения были награждены государственными наградами и званиями Республики Татарстан, а также благодарственными письмами Всемирного конгресса татар.

Главной интригой форума стали для нас неожиданные встречи. Например, с Раузой Иззахетдиновной Шагимурадовой - мамой блистательной оперной певицы Альбины Шагимурадовой. Приятно было с ней беседовать и высказать благодарность, как одному из руководителей форума.

Со своим творчеством нас познакомил представительница Санкт-Петербургских татар Элеонора Искандеровна Бикжанова. Ее графические работы полны изящества, точны в передаче мимолетного настроения. Давняя мечта Элеоноры Искандеровны как дизайнера одежды - создать модели платьев с элементами татарского национального костюма. На следующем форуме можно было бы провести показ одежды от разных регионов. В последнее время некоторые модельеры увлеклись арабской тематикой, совсем не свойственной татарскому костюму. Не хотелось, чтобы это стало традицией.

Надо отдать должное организаторам форума за прекрасную идею, подарить всем калфаки. Эта маленькая деталь национального костюма сразу объединила всех делегатов.

От Москвы на форум приехала делегация во главе с руководителем Московского отделения «Ак калфак» заслуженной артисткой РТ и РФ Наилей Фатеховой. Каждый делегат открыл для себя много нового и интересного.

Нам повезло встретить людей неординарных. Вместе с заведующей библиотекой Татарского культурного центра Москвы Зульфией Халиловой мы побывали в Национальной библиотеке РТ и пообщались с ее сотрудниками. Такие контакты дорогого стоят, это выход к большому разговору о национальной литературе, в котором очень нуждаются татары в регионах.

Самое большое впечатление на нас произвела встреча с директором Татарской гимназии № 2 им. Шигабутдина Марджани при Казанском федеральном университете Камарией Зиннуровой Хамидуллиной. После небольшого концерта с участием учеников гимназии и делегатов форума мы отправились в школьный музей. Здесь представлены книги Ш. Марджани, в том числе и рукописные, письменный стол - рабочее место ученого, молельный коврик 19 века ручной работы, принадлежавший дочери Марджани, подлинные калфаки 19 века. «Музей в музее» - своеобразная этнографическая выставка, повествующая о быте татар 19 века. Музей Баки Урманче - скульптурные портреты Дэрдемэнды, М. Гафури, С. Сайдашева, Ф. Яруллина, Б. Урманче - золотая россыпь гениев татарского народа. «Музей истории 20 века» - это творческая площадка для изучения недавней истории нашей страны, здесь проходят уроки. Музейные экспонаты помогли собрать учащиеся и их родители.

А потом состоялась беседа, теплая и открытая. Так, на чем основывается педагогическая деятельность директора Казанской татарской гимназии? Четко, как истинный математик, Камария Зиннуровна ответила: «Надо читать Тукая и петь народные песни. Постигать народный музыкальный инструмент, национальную борьбу. Жить так, как наши предки. А они просто жили, а не решали проблемы. Ну и собрать единомышленников».

Вот и резюме форума. Встреча с удивительным человеком наполнила новыми устремлениями, желанием работать.

Доброта, приветливость казанцев, сердечность, открытость наших женщин, причастность к большой татарской культуре, созданной талантливым и мудрым народом, уверенность в будущем татар, наставление учителя, новые друзья - это все итог нашего четырехдневного пребывания в Казани. Немало!..»

Члены Московской делегации Ак калфак А.Рахмани, Л.Мамалеева-Кадикова, Э.Халилова

Нәжибә САФИНА

Балам-багалмам

Әмма никтер күңелсез күк,
Әни дә никтер уйчан.
"Ямь керер иде өйгә,-ди,-
Кызым, музыка куйсаң".

Барысы да елмаялар:
"Бәйрәм бит, бәйрәм!"-диләр.
Әбием белән биибез,
Елмаеп тора өйләр!

Әни белән әти дә
Бииләр шушы көйгә.
Моннан соң белерләр ничек
Ямь керетергә өйгә.

Әбием сөя аркамнан:
"Тәуфыйгың артсын"-диеп.
Мин тагы сәхнәгә чыгам,
Әни күлмәген киеп.

Мин жырлыйм, аларга ошый,-
Шаулатып кул чабалар.
Оста башкаручы кызга
Ак чәчәкләр явалар!

Әл-лә-ли, әл-лә-ли!
Кулда чәчәк бәйләме!
Бәйрәмнәре килсен гелән,
Өйгә ямь кертә беләм!

Уйга калдым, димәк, әле
Өйгә ямь табылмаган. . .
Әле бәйрәм безнең өйгә
Бөтенләй кагылмаган. . .

Димәк, болар белән генә
Өйгә әле ямь керми.
Әл-ләл-лә, мин генә беләм,
Беркем дә белми берни!

Көн буена әллә өйдә
Мин тик кенә утырган?
Менә - баш, ул хәйлә белән
Шыплап кына тутырган.

Диванга торып бастым,
Шунда серемне ачтым:
Жыр-бию һәм музыка!
Күңелсезләнмик юкка!

Күтәрде әни башын,
Читкәрәк этте ашын.
Мин әйттем:"Концерт куям!-
Миңа музыка уйнаң!"

Мандолина алды әни,
Әти алды гитара.
Әбием дә кашык белән
Музыка уйнап тора.

Жыр башладым:
"Әл-лә-ли, әл-лә-ли.
Өйгә ямь керетер өчен
Кирәк түгел әллә ни!"

Кушылды әнием дә:
Әл-лә-ли-лә, әл-лә-ли.
Кушылды әти, әби:
Әл-лә-ли-лә,әл-лә-ли.

Өйгә ямь кертә беләм

Барсы да ашыга бүген,
"Бәйрәм кичәсе,-диләр,-
Өйгә ямь кертер өчен
Дөнья гизәсе",-диләр.

Тыз да быз килә әби,
Кибеткә китте әни.
Әти чәчәкләр алырга
Базарга китте әле.

Нәни көчегем белән
Мин генә өйдә гелән.
Ашыкканда алар мине
Ияртмәгәнне беләм.

Киттеләр дә кайттылар,
Көне буге чаптылар.
Тик кич житкәч жыйналдылар,
Ахры, ямьне таптылар.

Өстәл өсте аллы-гөлле
Чәчәкләргә күмелгән.
Савытларда –алма-хөрмә,
Матур шарлар эленгән.

Ханиса АЛИШИНА

Чарованная Севером

Достоинство и простота, доброта и мудрость... Художница из Тюмени Альфия Мухаметова видит эти качества в людях севера, видит и умеет передать в своих работах. На ее счету – многочисленные выставки, иллюстрации к двум десяткам книг. В год 85-летия Югры Альфия Мухаметова представила необычную выставку картин, написанных нефтью. Сегодня работы художницы можно увидеть в музеях Ханты-Мансийска, Лангепаса, Тюмени, Мегиона, Покачи, Тобольска, они хранятся в частных коллекциях многих стран мира.

Альфия Мухаметова почти всю свою жизнь прожила на Севере, хоть и родилась в селе Вяжино Юргинского района Кемеровской области. Родители переехали в Мегион, когда ей было 12 лет. До этого семья успела сменить не одно место жительства. Отец будущей художницы Фахриттин Шамшутдинович Курмашев был бурильщиком нефтяных скважин

и колесил по всему Северу. Альфия помнит, как они два месяца добирались до Мегиона на дебаркадере. Этот город и стал для нее родным.

С детства Альфия любила рисовать. Поэтому и поехала в 1974-м поступать в Нижнетагильский педагогический институт на художественно-графический факультет. Поступала дважды. С первого раза не получилось, ведь за плечами не было художественной школы. Вероятно, еще тогда у Альфии появилось желание основать в Мегионе такую школу. И она добила своего. Правда, через много лет.

А сначала была учеба. Первые студенческие выставки. Работа над дипломной работой в Салехарде. Зарисовки со стойбища, лица детей оленеводов, портрет первого ненецкого поэта Леонида Лапцуня незадолго до его смерти. После защиты ей предложили поступать в аспирантуру. Но у юной художницы умерла мама. И она попросила распределения в Мегион.

Пятнадцать лет Альфия Мухаметова работала с ребятами в обычной средней школе. Преподавала рисунок. Но учила детей не в классном кабинете. Выбиралась с ними на природу. А после того как в городе появился этнографический музей, стала водить своих учеников туда. Очень подружилась с директором музея Викторией Сподиной. Вместе они вывозили школьников на стойбища, рисовали там с натуры, собирали фольклор.

Вот на основе этого доброго знакомства и родилась в Мегионе первая художественная школа с этнографическим уклоном. Начиналась она с 20 учеников и базировалась все в том же музее. Преподавали там не только рисунок, живопись и композицию, еще этнографию и прикладное искусство. Позже ввели чеканку, гобелен, батик, керамику. Открыли отделение дизайна. Администрация города построила для «художки» двухэтажное здание. А спустя 17 лет школа стала одной из лучших в России и была вместе с именем своей создательницы Альфии Мухаметовой занесена в энциклопедию «Лучшие люди России».

Занимаясь с детьми и вкладывая все силы в развитие школы, Альфия Фахриттиновна находила время и на творчество. После преподавательской и административной работы делала на небольших листах зарисовки с помощью обычной ручки или карандаша. Из зарисовок рождались истории – прозрачно-акварельные или четкие, графичные

– о хантыйской жизни, быте и мировоззрении северян. Она рисовала портреты первопроходцев Югры, учителей, врачей, деятелей культуры. Иллюстрировала книги Николая Смирнова, Виктора Козлова, Юрия Вэллы. Сотрудничала с журналом «Югра». Была участницей более 200 выставок. Обездила множество стойбищ. И даже участвовала в поисках очевидцев Казымского восстания хантов (в начале прошлого века коренные жители Югры взбунтовались против «дружественных» покорителей Севера, осквернявших священное озеро Нумто). Этому событию посвящен роман Еремея Айпина «Божья мать в кровавых снегах».

Искусствоведы высоко ценят работы Альфии: «Так удивительно тепло о холодном северном крае может рассказывать человек, который искренне любит и дорожит родной землей. В богатстве орнаментов, символов и удивительной красочности зашифрованы просты и понятные категории: любовь, материнская забота, тепло дома, окруженного холодом тундры, гармония человека и природы. И лица, судьбы, характеры», – пишет доктор филологических наук Татьяна Борко. Север в исполнении художницы уникальный. Альфия сознательно отказалась от использо-

вания холодных оттенков, присущих снегам и морозам. Использование теплых тонов на ее картинах помогает ей наиболее полно выразить бережное отношение, любовь к родному краю, где прошли её детство, счастливые годы юности и профессионального роста.

Творчество художницы многогранно, набор художественных приемов не знает границ. Альфия находится в вечном поиске, открывает новые методы и способы самовыражения. В творческой коллекции художницы – живопись, графика и декоративно-прикладное искусство. И все это только для того, чтобы ярче и полнее отразить красоту природы, богатство души человека, их общую гармонию и духовное единство. Настроение, авторское чувство определяет технику. Особенно волшебным играют краски на полотнах-батиках. Этот мягкий, лиричный метод автор освоила больше тридцати лет назад и теперь смело экспериментирует, пробуя новые материалы, удивляя сочетаниями цветов и разнообразием тем, соединяя несоединимое, смешивая горячий и холодный батик, работая по войлоку.

Не так давно художница переехала из Мегиона в Тюмень. Этот старинный город, его особый человеческий колорит, родственные и дружеские связи оказали благотворное влияние на творчество маститой художницы. Многогранный талант Альфии Мухаметовой отогрелся на юге, расцвел и заиграл новыми, неожиданными для неё самой красками. Впервые она создает новые для себя образы мусульманского мира. Название выставки «Цвет надежды», объединившей около сотни работ, связано с символикой ислама, где зеленый цвет имеет исключительное значение. В нем соединяются и земное, и небесное начала. Сюжеты выставки навеяны легендами и сказаниями, олицетворяющими жизненную стойкость мусульман, особенности их мировосприятия, рождения, продолжения рода.

Альфия в Тюмени не чужая, она своя, наша, здесь долго ждали её возвращения из дальних северных краёв. Это признанный мастер, который не перестает удивлять своими идеями и колоссальным трудолюбием. В год 85-летия Югры и 70-летия Тюменского отделения Союза художников России она поразила

всех ценителей искусства новой невиданной техникой написания картин.

Эта замечательная выставка «Рисунки нефтью» запомнилась тем, что на её открытии было много легендарных личностей, ветеранов, первопроходцев нефтяной целины. В экспозиции наряду с портретами известных нефтяников – знаменитого организатора нефтяной и газовой промышленности СССР Виктора Ивановича Муравленко, почётного нефтяника СССР и Тюменской области Сергея Дмитриевича Велкопольского – был представлен портрет отца художницы – бурильщика Фахриттина Курмашева.

Все работы мастера, представленные на выставке «Рисунки нефтью», написаны на одном дыхании, в очень короткий промежуток времени. По словам искусствоведов, они уникальны уже потому, что выполнены с помощью нетрадиционной техники и весьма неожиданного материала, сама выставка получилась необыкновенно стильной и энергетически мощной. Речевой оборот «нефть – черное золото» приобрел в трудах Мухаметовой зримый, почти буквальный смысл – портреты людей, символические картины Севера сияют золотом земли – нефтью. Позднее, уже на другой выставке в Музее изобразительных искусств, мы увидели продолжение серии «нефтяных» портретов известных татарских деятелей: Хамита Ярми, Булата Сулейманова, Минсалима Тимергазеева, Сакины Арангуловой, Валимы Ташкаловой, Рината Насырова, братьев Арангуловых... Как только появился необычный портрет Булата Сулейманова, мы им украсили обложку новой книги «Сулеймановские чтения-2015»! Учёные, получающие в дар эти сборники, восхищаются необыкновенным дизайном и красотой книги. Очень хотелось бы видеть в серии татарских портретов автопортрет Альфии...

Признанный мастер графического искусства Альфия Фахриттиновна не случайно взялась за нефть. Сказалась тоска по Мегиону, с которым связана её жизнь с 60-х годов XX столетия, собственные впечатления об освоении Севера, воспоминания об отце... Она хорошо помнит, как он первый раз пришел домой и рассказывал, что они «нашли в земле что-то жидкое, черное и липкое». Картины Альфии своего рода дань тем, кто открывал и добывал большую сибирскую нефть. На

вопрос журналистов, какой сорт нефти Мухаметова предпочитает использовать, художница призналась, что из всех перепробованных остановилась на родной Мегионской. По словам Мухаметовой «сама по себе нефть не пригодна для работы, графика от нее никакая, но после выпаривания она начинает «слушаться».

Я познакомилась с Альфией Фахриттиновной только после того, как она переехала в наш город, хотя ранее я много раз слышала о ней от ее сестры Розы... Мы подружались с первого дня. Альфия написала большой красивый портрет моей «научной мамы» – академика Дилары Тумашевой – и подарила его мне в день научно-практической конференции «Тумашевские чтения-2008». Сейчас этот портрет украшает мой рабочий кабинет в Центре тюркологии университета. Альфия Фахриттиновна – великая труженица, бескорыстная душа. Потом она подарила мне еще два «нефтяных» портрета, на которых повторно изображена Дилара Гарифовна и ваша покорная слуга. Альфия очень нежная, чуткая, ранимая. Стоит только вспомнить о ее папе или маме, рано ушедших из жизни, как ее красивые карие глаза наполняются слезами...

В 2005 году Альфии Мухаметовой было дано право представлять Россию на выставке в Венгрии. Среди участников выставки из 18 стран она получила грант в области изобразительного искусства. Персональные выставки художницы прошли по всем северным городам.

Во время съезда Всемирного конгресса татар в Казани Альфия Мухаметова подготовила персональную выставку. В этом же году Указом Президента РФ ей было присвоено звание «Заслуженный работник культуры России».

10 марта 2016 года картины Альфии Мухаметовой пополнили фонды Тюменского областного музейного комплекса имени И.Я. Словцова. Этого события сотрудники учреждения культуры ждали целых 12 лет, поэтому оно стало особо торжественным.

Альфия Фахриттиновна Мухаметова встречает свое 60-летие в расцвете творческих сил. Совет НКА сибирских татар и татар Тюменской области готовит ходатайство на имя губернатора Ханты-Мансийского автономного округа о присвоении первой художественной школе Мегиона имени Альфии Мухаметовой.

г. Тюмень

Шамиль МИНГАЗОВ, кандидат исторических наук

ВЕРА ХАНА КУБРАТА

Когда начинал изучать историю Великой Болгарии не предполагал, что придется потратить несколько лет на поиски в хранилищах Лондона, Парижа и Рима оригиналов староэфиопских манускриптов Хроники Иоанна Никиусского. Каждый исследователь, интересовавшийся историей Великой Болгарии, Хазарско-го и Аварского каганатов, Киевской Руси, сталкивался с распространенным в мировой историографии мнением о том, что Кубрат – правитель Великой Болгарии вырос в Константинополе, где принял христианство. Невероятно, но оказалось, что все ссылки историков об этих фактах базируются не на летописи, а лишь на единственном ошибочном переводе Х. Зотенбергом (Зотанбергом) (1883 г.) одного абзаца Хроники Иоанна Никиусского. К сожалению, перевод осуществлялся с вымершего староэфиопского языка геэз, специалистов по которому в мире единицы. Историка оказались отрезанными от оригинала письменного источника и были вынуждены опираться на перевод Х. Зотенберга (1883 г.). Самым удивительным оказалось, что в самих манускриптах Хроники Иоанна Никиусского о Кубрате нет ни слова.

Иоанн Никиусский родился во времена арабского завоевания Египта (639–642 гг.) и жил в провинции, уже входящей в Халифат. Новая мусульманская администрация сохранила коптскую церковную инфраструктуру Египта, а Иоанн стал епископом г. Пшати, называемом по-коптски Nikiu, по-гречески Nikiou или Nikiou. В эллинское время город назывался Prosopites.

Иоанн Никиусский жил в арабском государстве, которое вело постоянные войны с Византией, что привело к сужению каналов поступления информации из бывшей метрополии. В такой политической обстановке резервным источником информированности Иоанн мог быть церковный канал. Однако в годы, предшествующие арабскому завоеванию Египта, коптские христиане-монофизиты попали под идеологическое давление византийской церкви и отказывались принимать официальную монофизитскую догму, что привело к конфликту и даже пыткам. Это позволяет предположить низкий уровень контактов церковей, если не их полное прекращение. Создались предпосылки для изоляции египетской коптской церкви и ее отдалению от византийского православия.

Таким образом, информация из Константинополя доходила до Египта искаженной и с опозданием, а Иоанн Никиусский не мог представлять полную картину отдаленных событий. Вероятно, о делах в Византии ему приходилось довольствоваться отрывочными сведениями, если не слухами. Низкий уровень информированности автора Хроники должен приниматься во внимание исследователями при оценке сведений о Византии, тем более о событиях в Северном Причерноморье, находившемся тогда на противоположном от Египта крае христианской цивилизации.

В этих условиях Иоанном и была написана интересующая нас Хроника. Труд начинается от сотворения мира и заканчивается серединой VII в. – временем установления арабского господства в Египте. В конце Хроники сообщено о Кетрадесе – предводителе одного из варварских народов, который вырос в Константинополе. Именно имя Кетрадеса Х. Зотенбергом при переводе в 1883 году и было произвольно заменено на имя Кубрата.

Для восстановления пассажа о Кетрадесе впервые в историографии нами были получены все четыре манускрипта Хроники Иоанна Никиусского, которые до этого в совокупности никто не анализировал.

I. Лондон, Британская библиотека. Указана в каталоге Эфиопских рукописей В. Райта и датируется первой половиной XVIII в.

II. Париж, Национальная библиотека Франции. Указана в каталоге эфиопских манускриптов Х. Зотенберга и датирована им XVII в.

III. Париж, Национальная библиотека Франции. Рукопись указана в Каталоге А. д'Аббади и К.К. Россини. Получена Национальной библиотекой только в 1902 г., после смерти Х. Зотенберга (1897 г.)

IV. Рим, Национальная академия деи Линчеи, фонд Конти Россини. Манускрипт неполный, текст заканчивается на 101 главе и не содержит пассажа о Кетрадесе.

Манускрипты III и IV при восстановлении текста Х. Зотенбергом использованы не были. Исследователи обсуждали вопрос о языке оригинала. К. Крумбахер и Т. Орланди считали первым языком текста греческий, с последовавшим переводом на коптский, несмотря на то, что это удаляет оригинал еще на один перевод. Х. Зотенберг склонялся к мнению о греческом оригинале с коптскими сегментами, размер и границы которых установить невозможно. Кроме коптских включений, текст содержит арабские и амхарские слова.

Более обоснована позиция Т. Нольдеке и В.И. Крума, которые высказывались за коптский оригинал. С ними согласились Ф. Альтгейм и Р. Штиль, а также П. Фразер, отметивший, что монофизитский епископ вряд ли писал на греческом языке своих идеологических оппонентов и то, что во всей византийской литературе нет ни одной ссылки на Хронику Никиусского.

За полторы тысячи лет текст Хроники был подвергнут переводу как минимум дважды: с оригинала на арабский, а затем на староэфиопский (геэз). Время перевода на арабский язык точно неизвестно, возможно не ранее XII в. Установлено лишь, что переводчик плохо владел греческим языком и допустил искажение текста еще на этапе этого перевода. Четыре сохранившиеся манускрипта переведены с одного арабского текста на староэфиопский, но копиями не являются.

В результате переводов текст изрядно пострадал и многие имена собственные претерпели изменения, что уменьшило ценность Хроники как источника. На неверные сведения и перевод Хроники обратили внимание и последующие исследователи.

В.В. Болотов еще сто лет назад призвал не переоценивать точность сведений Иоанна Никиусского: «Но этот важный труд есть только переводное достояние эфиопской литературы, которая питалась по преимуществу переводами с коптского и арабского».

О.Г. Большаков, разбирая текст, обращает внимание на «ряд несообразностей и противоречий» даже в сведениях, касающихся маршрута арабской армии, завоевавшей Египет. Описание событий в Хронике искажено, несмотря на то, что эти события разворачивались у родного города автора в 639–641 годах во время его жизни, либо старшего поколения, у которого он вполне имел возможность получить информацию.

Не считает полноценным источником Хронику и церковный автор В.М. Лурье: «С монофизитской стороны о том же апостолу Иеремии рассказывает гл. 88 Истории Иоанна Никиусского (конец VII в.; дошла только в эфиопской версии, с утраченной арабской, восходящей к коптскому оригиналу). И мелькитский, и монофизитский рассказы уже весьма легендарны и не считаются с хорошо известными историческими фактами; вместо этого они развивают, почти как в исторических романах, увлекательные сюжеты, направленные либо на защиту, либо на опровержение Халкидона».

И.В. Кривушин отмечает: «Следует чрезвычайно осторожно подходить к сохранившемуся тексту, тем более что он является результатом двойного перевода». С. Венингер также признает, что «существующий текст полон упущений и перемещенных пассажей».

На русский язык перевод всего текста Хроники Иоанна Никиусского не осуществлен. История дискуссии о соотнесении Кубрата и Кетрадеса и надежности источника была проанализирована в одной из своих последних работ болгарским историком В. Бешевлиевым. Его вывод категоричен: «Как бы то ни было, данные о Кубрате в Хронике очень сомнительны для того, чтобы принимать их всерьез».

Основные сведения о Кубрате и о Великой Болгарии (Magna Bulgaria) дошли до нас из трудов византийских источников – «Хронографии» Феофана Исповедника (760–818 гг.) и «Бревиария» патриарха Никифора (ок. 758–829 гг.), которые были гораздо лучше информированы о событиях в Северном Причерноморье. Никифор, будучи патриархом Константинопольским, не мог упустить такой важнейший геополитический факт, как крещение главы крупного северного государственного образования, если бы оно действительно имело место. Однако ни о детстве Кубрата в Константинополе, ни о его крещении Никифору и Феофану неизвестно.

Историческая миссия Кубрата заключается в создании Великой Болгарии и объединении гунно-болгарских племен, до этого входивших в Тюркский и Аварский каганаты.

Междоусобные войны в Западном Тюркском каганате (630–632 гг.), а также поражения от Китая привели к ослаблению, а затем и крушению к 657 году. Крайние западные провинции Тюркского каганата консолидируются Кубратом, а представителям правящей каганской династии удается сохранить власть над частью племен гунно-болгарского круга (хазарами, савирами-суварами, барсилами-берсулами и др.) на прикаспийских территориях, ставших центром Хазарского каганата.

Примерно в это же время в Аварском каганате в 630–631 гг. умер каган и были выдвинуты кандидаты на престол от авар и болгар. Междоусобица привела к ослаблению центральной власти и отложению нескольких крупных болгарских групп. Например, болгарская орда хана Алзеко ушла в Баварию, затем в Карантанию. В итоге он стал герцогом в лангобардском королевстве и болгары осели в итальянском Беневенто.

В этот период Кубрату удалось распространить свое влияние на гунно-болгарские племена, ранее бывшие под влиянием Аварского каганата, до Днепра и Южного Буга, а по некоторым оценкам исследователей – до Дуная и Карпат. Никифор пишет: «В это время Кубрат, племянник Органа, государь уногундуров, восстал против хагана аваров и, подвергнув оскорблениям, изгнал из своих земель бывший при нем от хагана народ. А к Ираклию [Куврат] посылает посольство и заключает с ним мир, который они хранили до конца своей жизни. [В ответ Ираклий] послал ему дары и удостоил его сана патрикия».

Так была создана Великая Болгария. Г.Г. Литаврин датирует ее образование 632 г., а С.А. Плетнева – 635 г. Вопрос о размерах и границах Великой Болгарии до сих пор дискутируется. Установить конкретные болгарские народы, входящие в Великую Болгарию, Хазарский и Аварский каганаты того периода сложно – племена с общими этнонимами могли быть разделены и частями входить в состав всех этих объединений, составляя большую часть тюркоязычного населения.

Согласно «Именнику болгарских ханов», Кубрат правил (или жил) 60 лет. Последние попытки хронологизации «Именника» дают нам примерные даты его жизни 605–665 гг. О. Прицак считал период 605–665 годами правления, а основание Великой Болгарии датировал 635 г. А.В. Комар предлагает 2 варианта датировки жизни Кубрата: «ранняя» 600/608 – 660/668 гг. или «поздняя» 612/614 – 672/674 гг. Умер Кубрат во время царствования Константа II (641–668 гг.) либо Константина IV (652–685). Ф. Альтгейм и Г. Хауссиг относят смерть Кубрата к периоду 663–668 гг.

Впервые перевод текста Хроники на французский язык был опубликован Х. Зотенбергом в «Азиатском журнале» за 1877, 1878 и 1879 гг. Пассаж о Кетрадесе Х. Зотенберг в 1879 г. перевел без искажений. В этом переводе (1879 г.) мы видим: «Кетрадес, глава народа Мутаней, сын брата Куэрнака». Это и был дословный перевод, однако в широкий научный оборот попал не он, а второй перевод (1883 г.). В этом переводе (1883 г.) мы уже читаем другое: «Кубратос, глава гуннов, племянник Органы».

Именно вторым искаженным переводом (1883 г.) пользовались многие авторитетные исследователи, что привело к многократному цитированию ошибки переводчика.

Что же заставило Х. Зотенберга пойти на столь грубую подмену имен источника в своем переводе? Вероятно, переводчик счел фразу из «Хроники» Никиусского: «Кетрадес, глава народа Мутаней, сын брата Куэрнака» идентичной фразе из «Бревиария» Никифора: «Куврат, племянник Органа, государь уногундуров», на что он и указывает в ссылке 2 своего первого, еще правильного перевода 1879 г. Переводчику показалось, что фонетически имена Кетрадеса и Кубрата близки. Замена же Moutanes – на Huns, а Kuernaka – на Organa при переводах невозможна даже с учетом искажения перевода. Но это Х. Зотенберга не остановило.

Так, с его подачи Кетрадес последующими исследователями стал читаться как Кубрат, а в научную литературу во-

Перстень с монограммой Кубрата. Золото. VII вв.

Кувшин сасанидский. Золото. V - нач. VII вв.

шло ошибочное утверждение об идентичности Кетрадеса – персонажа Иоанна Никиусского и Кубрата – правителя Великой Болгарии, о котором писали Никифор и Феофан.

Затем 130 лет от абзаца переходил из издания в издание, из ссылки в ссылку – историки ссылались на перевод (1883 г.) и других историков, а не на староэфиопский первоисточник.

Например, в 1916 году английский перевод Хроники был

издан в Великобритании Р. Чарльзом, который привел многочисленные примеры ошибочного перевода Х. Зотенберга (1883 г.) и указал, что «текст Зотенберга должен быть тщательно пересмотрен». Однако ошибочный перевод имен собственных «Кетрадес», «мутани» и «Куэрнака» уже сам Р. Чарльз продублировал вслед за Х. Зотенбергом.

Именно слепое повторение Р. Чарльзом перевода имен пассажа о Кетрадесе сразу после публикации вызвало недоумение у Э. Брукса: «Очень плохой пример на с. 197, где мы читаем «Кубратос, вождь Гуннов, племянник Органы» без любого намека, что эти имена не из древнеэфиопского языка, а такие же, как и в последнем переводе Зотенберга. Но из Journal Asiatique мы узнаем, что по-древнеэфиопски написано «Qetrades», «Moutanes», и «Kuernaка», и идентификация с Кубратом, упомянутым Никифором, является только догадкой. Соответственно, хотя новый перевод должен был заменить все предыдущие, исследователь, желающий использовать Иоанна Никиусского в исторических целях, должен иметь перед собой три тома Journal Asiatique наряду с переводом д-ра Чарльза».

Х. Зотенбергом при переводе (1883 г.), а вслед за ним и Р. Чарльзом (1916 г.) был также необоснованно заменен этноним «мутани» оригинального текста манускрипта на этноним «гунны». Однако слово «гунны» есть в тексте Хроники в других главах, но оно пишется в совершенно иной форме.

Если это не поздняя вставка переписчиков, то наличие неоднократного обозначения гуннов словом *gunt* и близким к нему словом говорит о том, что под «мутанями» сам Иоанн Никиусский понимал совершенно другой народ. Таким образом, замещение слова «мутани» на «гунны» Х. Зотенбергом при переводе пассажа о Кетрадесе было также необоснованным.

Рассмотрим первоисточник. В 1883 г. Х. Зотенберг публикует текст Хроники на староэфиопском языке, восстановленный им с использованием двух манускриптов, из которого мы приводим пассаж о Кетрадесе в современном переводе М.С. Булах:

«И когда это дело (т.е. об этом деле/событии) было услышано у

людей (страны) Бэрантия (Византии), то они говорили: это дело из-за Кытрадыс'а, главы (предводителя) народа Мутанис, сына брата Кырнакэ, которого крестили его в городе Кывыстынтыя (Константинополь) и сделали его христианином в его детстве (т.е. в его детские годы), и он вырос во дворце, и были между ним и между старшим Хыркал'ем (Ираклием I) любовь и мир. И после смерти Хыркал'я он любил его детей и его жену Мэртина из-за благодеяний, которые он оказал ему».

Во всех трех манускриптах имя повелителя «мутаней» пишется и звучит одинаково – Кытрадыс, а не Кубрат.

После опубликования перевода (1883 г.) В. Златарский и Дж. Маркварт приняли тождество Кетрадеса и Кубрата, однако затем их позиция была подвергнута критике. Одним из аргументов для Дж. Маркварта была именно схожесть степени родства (племянник) и то, что варварские заложники часто жили при константинопольском дворе. Он даже сделал попытку возможного объяснения трансформации при двойном переводе имен собственных «Гунны» в «Мутани» и «Органа» в «Куэрнака». Однако еще в 1921 г. Г. Фехер отклонил аргументы Дж. Маркварта по тождеству Кубрата и Кетрадеса, доказав, что Кубрат не мог находиться с детства заложником в Византии.

В тексте Бревиария Никифора Кубрат назван «племянником» Органа. Если Х. Зотенберга к замене имен подтолкнула степень родства и слово «племянник» в тексте двух первых манускриптов, то при наличии в его распоряжении третьего манускрипта, в котором Кетрадес назван двоюродным братом Кырнаса, вряд ли смог бы использовать степень родства как идентифицирующий маркер.

Еще в 1904 г. И.Н. Смирнов указывал на невозможность отождествления Кетрадеса – «служилого человека империи» и Кубрата – болгарского хана.

А. Бурмов также считал их разными персонами. Он также опроверг версию В. Златарского о том, что Кубрат и гуннский архонт Грод, крестившийся в Византии в 619 г. – одно лицо. История об этом удельном вожде, убитом соплеменниками за принятие христианства и разорение культовых мест, известна из Хронографии Иоанна Малалы и указывает на сильное сопротивление даже ограниченному проникновению христианства в среду степной знати того времени.

Сам факт того, что правитель гуннов Причерноморья заподозрен в участии в борьбе за византийский престол указывает на недостоверность этой информации. В этой борьбе могла принимать участие лишь верхушка византийской знати, имеющая за собой части армии либо иную силу. По мнению А.В. Комара, одно это утверждение исключает отношение сведений Никиусского к Кубрату: «Предположение, что на них хоть какое-то влияние мог оказать суверенный вождь кочевников из Подунавья, Поднепровья, или ещё хуже – из Прикубанья, только посылный от которого вернулся бы через полгода, выглядит для византийца просто смешным».

Получение титула патрикия также не указывает на принятие христианства. Этот титул возник ранее христианства, а позже присваивался и арабским эмирам, и печенежским ханам.

На основании одного ненадежного источника, каким является рассматриваемая Хроника, вряд ли можно установить не то чтобы факт тождества с иным лицом или крещения, но и саму реальность существования этого лица. Кого бы не имел в виду Никиусский под Ке-

традесом – автор лица это не знал и участником событий явно не был.

Даже с учетом выдающихся качеств хана Кубрата маловероятно, чтобы он активно участвовал в политической жизни Константинополя настолько, чтобы иметь возможность влиять на выбор императоров и при этом был объединителем болгар в Северном Причерноморье, решая и там не менее важные геополитические вопросы.

Кубрат вошел в историю как авторитетный правитель и изменению веры могли последовать его наследники, однако никакими данными об этом мы не обладаем. Один из сыновей Кубрата – основатель Дунайской Болгарии Аспарух, несмотря на географическую близость Византии и славянское этническое большинство в созданном им государстве, исповедовал веру предков – тенгрианство.

Ошибочный перевод Х. Зотенберга привел историков к необъяснимому логическому тупику, для выхода из которого они были вынуждены прибегать к самым невероятным версиям – о двух верхах хана Кубрата, о двух Кубратах и т.д.

Постепенно научный мир пришел к пониманию того, что персонаж Никиусского не мог быть правителем Великой Болгарии, а тезис о том, что Кубрат вырос в Константинополе, ранее повторяемый без соответствующей критики, был основан не на источнике, а лишь на ошибочном переводе Х. Зотенберга (1883 г.).

В результате можем сделать следующие выводы:

1. Хроника Иоанна Никиусского не соответствует многим критериям надежного источника. Манускрипт подвергся двойному переводу, в результате чего текст сильно искажился. Если некоторые пассажи легко Никиусского коррелируют с другими источниками и поддаются перекрестному анализу, то пассаж о Кетрадесе подобных корреляций не имеет.

2. Автор не был участником событий и не обладал полной информацией о событиях в Константинополе. Он жил в другой стране – провинции Арабского халифата и был оторван от Византии политически и географически, что уменьшает ценность Хроники как достоверного источника.

3. Х. Зотенберг необоснованно заменил в переводе (1883 г.) имена собственные староэфиопского источника Qetrades, Moutanes, Kuernaка на известные ему Koubratos, Huns, Organ. Именно этот ошибочный перевод в историографии в дальнейшем использовался как основной в условиях отсутствия доступа к манускриптам и владения уникальным староэфиопским языком.

4. Исторический анализ показал, что Кетрадес не мог быть одновременно участником дворцового заговора и правителем северочерноморских гуннов. Нет оснований для утверждения идентичности Кетрадеса и Кубрата – правителя Великой Болгарии.

5. Тезис о крещении перенесен с личности Кетрадеса на личность Кубрата только на основании неправильного перевода Х. Зотенберга (1883 г.), а не на основании текста староэфиопского источника Хроники Иоанна Никиусского.

6. Сведения Иоанна Никиусского могут быть использованы для реконструкции исторических событий VII в. выборочно и только при соответствующей серьезной научной критике.

Литература к настоящей статье указана в монографии: Мингазов Ш.Р. Кубрат – правитель Великой Болгарии и Кетрадес – персонаж Иоанна Никиусского (пер. М.С. Булах). – Казань, 2012.

г. Москва

Справка от автора

Хан Кубрат – объединитель народов гунно-болгарского круга и создатель Великой Болгарии на огромных территориях Причерноморья, Приазовья и Северного Кавказа. После смерти Кубрата его сыновья не смогли сохранить единый союз. В Хронографии Феофана сказано: «Первый же сын [Кубрата], по имени Батбаян, храня завет отца своего, оставался на земле предков доныне. А второй его брат, по имени Котраг, перейдя реку Танаис, поселился напротив первого брата. Четвертый же и пятый, переправившись через реку Истр, называемую также Дунай, один – оставался в подчинении, вместе со своим войском, у хагана аваров в Паннонии Аварской, а другой – достигнув Пентаполя, что у Равенны, попал под власть империи христиан. Наконец, третий из них, по имени Аспарух, переправившись через Днепр и Днестр и дойдя до Огла – реки севернее Дуная, поселился между первыми и последним...».

Сведения Феофана современные данные в целом подтверждают.

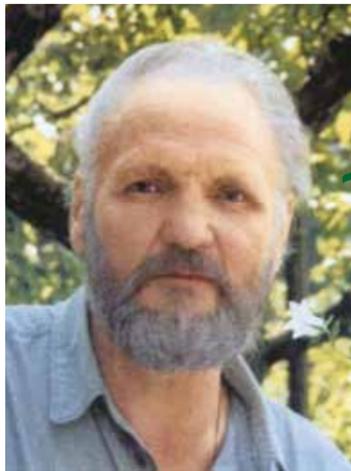
1. Часть болгарского населения осталась со старшим сыном Кубрата – Батбаяном и вошла в состав Хазарского каганата. Кроме старых земель, археологически фиксируется миграция болгар с конца VII в. от Дона и Приазовья в Крым и Сев. Кавказ до Приэльбрусья, в районы современных Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Пятигорска и Кисловодска, где позднее болгары участвуют в этногенезе карачаевцев и балкарцев. Возможно, что этноним балкарцев произошел от этнонима болгар.

2. Феофан указывает имя второго сына Кубрата как Котраг, но скорее это этноним племени кутригуров – одного из крупнейших болгарских объединений. С ними связывают часть болгар, переселившуюся в Аварский каганат, а также на Волгу. Болгары перенесли свою государственность и создали Волжскую Булгарию, население которой наряду с поздними включениями ордынского периода стало этнической основой современных татар.

3. Третий сын – хан Аспарух дошел вдоль черноморского побережья до Дуная, подчинил жившие там семь крупных славянских племен и разгромил византийскую армию. Им была создана Дунайская Болгария, а Византийская империя была вынуждена не только признать новое государство, но и платить дань. За несколько последующих столетий болгары, их тюркский язык, царская династия ассимилировались в славянском большинстве, оставив в наследство свое имя, существующее и сейчас.

4. Ни один источник не называет имени четвертого сына хана Кубрата из Аварской Паннонии. Однако, в науке есть версия, что им являлся Кувер, сведения о котором дошли до нас из агиографического сочинения «Чудеса св. Димитрия Солунского». Правитель провинции Аварского каганата Кувер в 670-680-х годах поднял успешное восстание против кагана и увел свой народ в Македонию. Захватить Салоники (Солунь) и создать свое государство Куверу не удалось. Его народ не был однороден в этническом отношении и быстро растворился на новых землях.

5. Имя пятого сына хана Кубрата, достигшего Италии, источники также не указывают. Им в историографии называют Алзека (Альцека, Алциока, Alticus), ставшего герцогом и гашталдом, сведения о котором содержатся в т.н. «Хронике Фредегара», «Деяниях Дагоберта» и «Истории лангобардов» Павла Диакона. Алзек являлся крупным представителем болгарской аристократии Аварского каганата, которая боролась за престол, но потерпела поражение (ок. 631-632 гг.). Часть болгар во главе с Алзеком укрылась в Баварии, а затем являлась военной дружиной в Карантанском славянском княжестве восточных Альп. В 660-670 гг. Алзек со своей ордой уходит в Италию – сначала в Ломбардию, а затем в Беневенто. Данные письменных источников нашли подтверждение в конце XX в., когда у городков Sepino, Vojano и Isernia были обнаружены могилы степных воинов и населения, которое западные исследователи считают болгарским. Кроме этого, с болгарями связывают возникновение многих топонимов современных Германии, Австрии, Италии, среди которых, что интересно, есть город с таким же названием, как и у столицы Волжской Булгарии – г. Болгар.

Владимир КРУПИН

Владимир Николаевич Крупин, известный русский писатель, родившийся в 41 году в селе Кильмез на Вятской земле.

Тебя звали Галя. А подлинное твоё имя – Миннегуль, то есть, в переводе с татарского, Цветок с родинкой. У вас в семье были только девочки, четыре сестры: Миннура, Фатима, Миннегуль и Фагиля. Все красавицы редчайшие. Все отличницы. Но самой красивой была ты, Галя. После школы ты, золотая медалистка, пришла работать корректором в районную газету, где я уже работал литсотрудником. Тогда я и понятия не имел, что нравлюсь тебе: был влюблён в библиотекаршу Валу. Скрыть это было невозможно, я и не скрывал, звонил в библиотеку из редакции, договаривался о встрече. «Сколько же мне было страданий, когда ты ей звонила!», - говорила ты потом.

Однажды ответственный секретарь редакции Владимир Петрович послал меня к тебе с гранками для вычитки. Ты болела и читала их дома. В переулке Горького я нашёл ваш маленький домик. Маленький и бедный снаружи, он был необыкновенно чист и наряден внутри. Валенки сами собой соскочили у меня с ног. Я стоял на цветных половиках, здоровался с грузной и суровой твоей матерью и объяснял ей, что принёс Гале работу. И увидел тебя, выскочившую в переднюю в длинном татарском халате и резко покрасневшую, и в повороте взметнувшую огромной россыпью чёрных волос. Потом ты говорила, что именно тогда мать заметила твоё чувство ко мне, и когда я ушёл, она сказала: «Убью, если выйдешь замуж за русского».

Следующим летом ты уехала поступать в институт и, конечно, сходу поступила. А с библиотекаршей Валеи всё было покончено. И не по моей вине. И её не виною: она была старше меня, а я уходил в армию, а это ещё три года. Друзья и стихи помогли залечить рану, и вскоре сердце моё, хотя и ныло слегка, стало свободным. Тут в редакцию пришло письмо от Гали. Оно было как бы всем, но Владимир Петрович сказал: «Это Галя тебе написала». — «Да ну!» «Что да ну? Читай!»...

Назавтра Владимир Петрович велел мне написать Гале ответ. Это было легко, я же не от себя писал, а «от имени и по поручению всегда тебя помнящего коллектива». Постарался весело рассказать о всегдашних наших страданиях: ломается часто печатная машина, бумага кончается, а дорогу на станцию замело, и не чистят. На конверте написал обратный адрес уже не редакции, а свой. И Галя ответила уже только мне. Писала о городе, в котором учится, о грусти по нашему селу. «Очень скучаю». Это было подчёркнуто.

Переписка разгорелась. Белые птицы конвертов летали над Россией.

Она не смогла приехать на каникулы, работала в студенческом отряде, а меня Родина призвала в Советскую Армию. Письма мои по-прежнему стремились к ней. И встречались с теми, что посылались ею. Где мои письма, не знаю, а судьба Галиных писем печальна. Их просто-напросто старшина извлёк из тумбочки и приказал сжечь. Я сказал: «Сам не буду». Старшина Липа, такая у него была фамилия, хладнокровно объявил мне три наряда вне очереди. Самое, может быть, тоскливое армейское стихотворение, его не помню целиком, было: «Грею руки над костром из твоих писем, мне без них и горе и беда...».

Пролетело более полугодика сержантской школы. У неё были студенческие зимние каникулы, и она приехала в Москву. Около Москвы, в Томилино, была наша часть. Галя сняла комнатку у старушки пря-

мо у забора нашей части. Диво дивное, как она всё сумела. Пришла на КПП, дозволилась. Я твёрдо сказал замполиту: приехала невеста. Как он мог не отпустить меня, редактора газеты «Зенит», занявшей первое место в Московском округе ПВО? Дали увольнение на сутки.

Я страшно переживал. Позвал с собой друзей-земляков. Купили шампанского, водки постеснялись, ещё и еды. Конечно, друзья знали о моей влюблённости, я же им показывал фотографию Гали. Но это фото, а тут она была вся живая. Красоты редчайшей. От неё вообще можно было зажмуриться. «Косметики, - писала она в письмах, - не выношу. Да и мама за косметику убьёт». У неё была красота естественная, спокойная, я бы сказал. Она была сотворена, чтобы быть женой и матерью. Что-то плохое подумать о ней было просто невозможно. Одно только: как с такой красотой можно было жить, постоянно видя наведённые на себя восхищённые, влюблённые, потрясённые, жадные взгляды?

Галя была в тёмно-красном пальто и белой шапочке в контраст блестящим чёрным волосам. Пришли в домик. Мы рванулись помочь ей снять пальто. Она засмеялась необыкновенно музыкальным, я бы сказал, грудным, ласковым смехом.

— Все вятские! - гордо представил я друзей.

— Вот здорово! - обрадовалась она.

Стали готовить застолье. Она всего привезла. Тогда мы впервые попробовали шоколадное масло. Проворно и ловко мелькали её руки с перстеньками голубого и красного камешков. На ней было платье из плотной бордовой ткани, сшитое в талию, с белым воротничком под горлышком, что говорить!

У нас было очень хорошее, сердечное сидение за столом. Я даже своих друзей не узнавал: они стали какими-то размягчёнными, говорили о своих девушках, показывали их фотографии. Галя внимательно их рассматривала, всех очень хвалила, ребятам желала скорее отслужить и вернуться к любимым.

Парни восторженно пинали меня под столом армейскими сапогами. И вскоре засобирались. Всё-таки они были в самоволке. Им надо было обязательно возвратиться до вечерней поверки. Вышел их проводить. Они крепко хлопали меня по плечам и спине.

Вернулся в дом. Она уже всё убрала и повернулась ко мне. Две пуговицы у горла были расстёгнуты, рукава платья немного закатаны. Белые запястья обняли меня за шею.

Боже мой! Да что мы в своей юношеской дурацкой поре понимаем! Кто нас гонит, куда торопимся? Мы целовались, я рвал пуговицы на её платье. Руки у меня тряслись.

— Знаешь что, - отстранившись, серьёзно сказала Галя. — У нас с тобой сегодня ничего не будет. Я твоя и только твоя, но я хочу, чтобы всё было не так. Ты понимаешь? А пока, это было бы стыдно, это нехорошо.

— Но мы же поженимся.

— Конечно. Но, до этого мне придётся пройти через преклонение мамы.

— Она простит.

— О, ты не знаешь татар. Отвернись. Я лягу к стенке.

Я отвернулся. Летели мгновения, сердце падало и вздымалось.

— Ложись. Погаси свет.

Я щёлкнул выключателем. Отстегнул ремень и швырнул его на пол. Стянул через голову гимнастёрку. Она откинула одеяло и протянула руки.

— Посмотри, как светло! Светло же! Луна.

Да, луна. Лицо Гали среди простора чёрных волос, близкие глаза, вырезные губы, её ласковость и её твёрдость, когда я забывался и не верил, что она недоступна. Это была самая мучительная ночь моей жизни. Я так сжимал Галю, что сам удивлялся, как только ребра её выдерживали такой напор.

Измученные поцелуями, объятиями, мы не спали всю ночь. Сколько же всего было сказано тогда, сколько летящего молчания отсчитывали торопливые удары сердца. Но я не мог переступить через её умоляющие слова: «Потом, потом, у меня нет никого, кроме тебя. Всё будет! Потом».

Я был уверен: она верила, что я не откажусь от обещания жениться, и даже очень просил её ничего не бояться и рожать ребёнка. «Я буду работать, поступлю на заочное».

— «Хитрый какой: придёшь из армии, а ребёнок готовый? А до этого я кто? Мать-одиночка? Из общежития выгонят. Нет, хочу так: я готовлю обед и поглядываю в окно, а там ты с колясочкой и с книжкой. Не сердись, я верю тебе, верю! Считаю, что всё уже было».

И, спустя многие годы, я благодарен ей за снежную чистоту той ночи. Луна, в самом деле, тогда была небывалая. Распавшись от Галиного горячего тела, укрощая себя, я выходил под ночные звёзды, смотрел на покрытую инеем колючую проволоку над забором родной части. Понимал, что впереди ещё два с половиной года, но думал: Галя, с её красотой и верностью поможет мне быстро их прожить. Смотрел на радостное лицо летящей сквозь лёгкие облака луны, и мне не верилось, что это не сон, что сейчас вернусь в тепло домика, где величайшее чудо - моя любовь - ждёт меня.

Может быть, именно благодаря татарке Гале, я полюбил восточную поэзию, и когда читал Низами, то место, когда Хосров увидел купающуюся Ширин, казалось мне написанным не о Ширин, а о Гале - Миннегуль. Это она вышла из одежд, сняла с себя украшения, распустила волосы и плывёт, но не в персидских песках, а в русских снегах.

К утру мы окончательно измучили друг друга, но уже совсем не хотели спать. Я вышел из домика. Наступал рассвет. Умылся снегом.

Дальше? Ещё месяца четыре неслись письма. И вдруг прекратились. С её стороны. И тогда я совершил совершенно немыслимую самоволку: рванул в её город. Господь спас, без увольнительной, без билета. Приехал ранним утром, нашёл её в общежитии, в комнате, кажется, на пятерых.

Мы вышли в коридор. Она была в халате, но уже не в длинном, татарском, а в городском до колена. Свела руки на горле. Я кинулся обнять, она испуганно отстранялась. «Не надо! Прости меня! Больше не ищи и не пиши. Ни о чём не расспрашивай. Позабудь меня. У тебя будет всё хорошо. У тебя будет хорошая жена. Всё, всё!» - И убежала.

Не знаю, что с ней произошло. Ну что? Может, какой заморский принц объявился, а, может, всё проще и грубее: кто-то силою взял её. Может, мать приезжала? Галя была по-прежнему прекрасна, но бледна, печальна. Вся изменённая. Что-то же случилось в её жизни, но что?

Я вернулся в часть. До дембеля оставалось больше двух лет. Галя напророчила мне жену умную, красивую. Так и сбылось. Но Галю вспоминал. Бывал на родине, поневоле выслушивал новости о знакомых. Узнал, что Галя была в Сибири, сейчас директор техникума в одном из городов Пермской земли. В Перми у меня знакомые писатели, давний друг Анатолий. Они летели на выступления в этот город и пригласили меня. В городе я легко узнал адрес техникума, телефон директора. И даже вздрогнул, когда услышал её голос, всё тот же, грудной, слегка растянутый на последних слогах и мысль мелькнула: все эти тридцать лет он звучал не для меня, как будто он должен был после той ночи заменить другим, обиденным. Я пригласил её на ужин. «Со мною опять будут друзья, но уже не в шинелях». Она засмеялась. И смех её был всё тот же. - «Да, я их помню, очень хорошие». - «А как иначе - вятские».

Она пришла с подругой. Сказала, что на час. Друзья-писатели, когда её увидели, ахнули. Надо себе представить, как может выглядеть женщина, когда свою природную красу дополняет красотой одеяния. А

уж Галя, с её профессией по тканям и рядам, была такой магнитной, что и для красавицы Голливуда моделью недосыгаемой. И губы были прежние, хотя уже немного скрытые лёгкой помадой. Глаза те же. Конечно, и морщиночки угадывались у глаз, но что морщиночки, когда в ней было главное - женственность. А женственность ни косметикой, ни фитнесом не наживёшь. Тут душа нужна.

— Какой ты старый, - весело сказала Галя. — А борода зачем?

— Он у нас аскавал, - вырчил меня друг. Сели за столик. Желая как-то утеплить атмосферу, я бодро заговорил:

— Галя закончила школу с золотой медалью. Да и я неплохо: всего одна четвёрка в аттестате.

Ресторан был хороший, это значит, в нём была негромкая музыка. Раздалось танго нашей юности. Я встал и склонился пред Галей, приглашая. Это была возможность поговорить наедине.

Взялся правой рукой за её талию, а она, кладя свою руку на моё плечо, сказала:

— А я знаю, у тебя замечательная жена Надя.

— Ты же напророчила. А...

— Обо мне не надо.

— Галя, - заговорил я, - или называть тебя Миннегуль?

— Хотя как. Меня уже вечность называют только с отчеством, Миннегуль Рахимовна.

— Ещё. Галя, у тебя случайно не сохранились мои письма? Я верну. Понимаешь, мне хочется вспомнить состояние того времени. Твои письма, - я запнулся, - уничтожил старшина.

— Ну и у меня нашлись уничтожители. Не будем об этом.

— Да, прости. И последнее: а если бы мы тогда поженились, ты бы перешла в Православие?

Она вздохнула, опустила глаза, потом подняла их:

— Ради тебя? Ради семьи?..

— А мама?

— Мама? Н-не знаю. Не сразу. Но появились бы внуки, она бы, конечно, в них вцепилась. Теперь уже мамы нет.

— Мне говорили... Галя, я почему спросил: помнишь в повести «Бэла» Максим Максимыч очень жалеет, что не успел окрестить Бэлу и она умерла мусульманкой. Жалеет от того, что она не встретится в загробном мире с тем, кого любит.

— Заканчивается, - это Галя заметила о музыке. Взглянула и улыбнулась: - Ох, как я вздрогнула, когда ты бросил ремень на пол.

Мы вернулись за столик. Подвыпившие друзья весело спросили:

— Ну что, кричать «горько»?

— Да, горько. - Галя подняла бокал. - Зачем кричать? Можно просто прошептать.

Простились на освещённом крыльце. Они просили не провожать. Друзья и подруга деликатно отошли. Я взял её руку и поцеловал.

— Я за полчаса уже привыкла к твоей бороде. Она тебе идёт. Но тогда, представить, что ты будешь с бородой? ... Пойду.

— Постой! - Я всё ещё надеялся на объяснение причины нашего разрыва.

После молчания она просто сказала:

— Это была лучшая ночь в моей жизни.

Понимаешь, нет, ты мужчина, не поймёшь. Постоянно вспоминала этот домик, и всю жизнь схожу с ума в зимние лунные ночи. Я благодарна тебе, очень! За твою порядочность, за то, что ты меня пожалел. А иногда думаю: да почему ж ты меня пожалел? Ведь любил!

— Потому и пожалел.

— Да. - Ещё помолчала: - А подлецы не жалеют. Пойду.

— Но в щёку тебя можно поцеловать?

Она засмеялась:

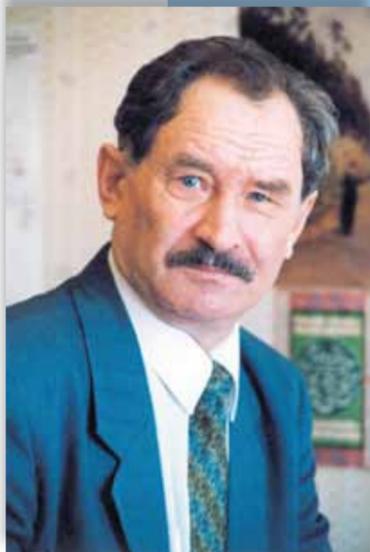
— От этого детей не бывает.

И сама поцеловала меня. Глаза её заблистали. Подняла сверкающий каким-то мехом высокий воротник и скрыла в нём лицо.

Они ушли. Мы вернулись за стол.

Галя, потом я узнал значение твоего имени. В Тегеране, на пресс-конференции, объявили о выступлении поэтессы с именем Айгуль. Я сказал переводчику, что знал девушку по имени Миннегуль. «Это очень поэтично, - отвечал он, - это означает «цветок с родинкой», то есть цветок (девушка) отмеченная знаком любви».

Вот и всё про дивный татарский цветок с родинкой.

ЗУЛЬФАТ

ЧЕТЫРЕ ПЕСНИ

На берегу серебряные песни,
на том яру и все мои года!
Но выдержит ли сердце, спеть их, если
все до последней? Все и до конца?
О Родине - всегда поётся первой,
та песня нас всегда зовет вперед,
Пусть явится она поляной светлой,
с цветами счастья жизни предстаёт.
Вторая песнь - о матери родимой.
Той песне много тысяч уж годов.
Людские души ею все хранимы,
едины чувства к ней у всех родов.
А третьей - о любви поётся песня.
Менялась пусть мелодия не раз,
для продолженья жизни бесконечной,
она как воздух, тайный вдох подчас.
Четвёртая - когда грядёт бессилье,
на самом крайнем жизненном строю.
Её споёт берёза на могиле.
Все остальные - сам я! Сам спою!

ЖУРАВЛИ ИКА

За дальней далью, отражаясь в лике
озёр и рек, со звонами прошла
святая юность!
Журавлиным клином
летели вдаль тогда мои года.
Не с берегов ли Ик-реки взлетели? -
Тех крыльев взмах мне близок и знаком.
Полёт и величав, и полон песен,
не зря и Ик в волнении своём.

К бровям приставив руки, птиц считая,
девчата провожают журавлей...
Сгорает осень,
в воздухе витает
печаль и звон от уходящих дней.

Успей влюбиться!
И живи пылая!
Видна мечта в полёте журавлей.
Со склона гор девчата птиц, считая,
их высоты хотят любви своей.

Нельзя ли в жизни быстрой время снова
вернуть, чтоб рассмотреть свои года?
С отлётом журавлей сгорит и осень,
и память жаждет
видеть их всегда!

1970 г.

ОДИНОКИЙ СОЛОВЕЙ

На небесах над нами грозной волей
зажглась как будто чёрная звезда,
вокруг ночами злобно волки воют,
а соловей поёт лишь иногда.

Судьба ли это?
Или злая воля?
Кто погасил нам яркие огни?
Страна в свои ли вляпалась помой,
иль со страной и мы с ума сошли?

Не знаю всхлип ли это, или пеньё,
иль тешит душу трелью непростой,
но соловей страны, с ума сошедшей,
щебечет одиноко надо мной.

Когда кипят тайфуны ночи злобной,
а трель свежа, чиста, хотя слаба,
весь мир пред нами скоро рухнет словно,
окажется, коль птица не права...

Собравшись словно в дикие оравы,
Адама дети вышли на пути.
Как видно, так удобней для расправы,
удобней так и выть, и развести.

Глаза - шары,
а шерсть на спинах дыбом,
оскал, несущий низменность и бред!
Такая суть
представленных на выбор.
Таков неужто, люди, ваш портрет?!

Последней будет, какова картина?
Народ наш терпеливым был всегда.
Быть может потому и появилась
над нами эта чёрная звезда?!

Насытив брюхо, хочет зрелищ свора,
где пир кровав, там главный тот, кто злей...
Прося не допустить
к ним мести злобной,
вновь будет разрываться соловей.

1992 г.

НЕ БУДЕМ СПОРИТЬ

Ладно, друг, уж нет твоей деревни.
Есть ли хоть колодец там с водой?
Возродится - если есть пусть древний
источник с благородной чистотой.
Люди мы потерянного века,
пережили столько бед, утрат,
словно перед нами вдруг разверзлись
погребя, утратившие клад.
Почему? Понять необходимо
появился этот век потерь.
Мы вошли туда, прекрасно видя,
что не ту нам открывают дверь.
Не деревню, мы страну теряем,
даже не наморщив лоб слегка.
Довели всё до такого края, -
что навряд ли нас простят века.

14.02.04 г.

ПОВТОРИТСЯ ВСЁ

Та же пара кос игривых
на твоих плечах,
и стеснительная нежность
в голубых глазах.
Так же любишь петь ты песни,
голос твой таков,
слушать их я бесконечно
и теперь готов.

Но не пой сегодня с грустью,
глянь, как Ик течёт,
облака, как нашу юность,
вдаль река несёт.
Облака как под ногами
в зеркале воды,
но никак их не потрогать, -
юности мечты ...

Мы и сами облаками
то взлетаем ввысь,
то в назначенное время
вновь несёмся вниз.
Кто-то капнет вновь на камни,
на цветы - другой,
испаряясь, облаками
полетим гурьбой.

Повторится всё сначала!
Кто-то вздрогнет в миг,
как увидит эти косы
на плечах твоих.
А расстанемся с тобой мы,
как придёт пора...
Я, быть может, стану синим
дымом от костра.

Ты печальной песней станешь
волновать сердца,
а меня к лучам заката
понесут ветра.
Парень у костра девчонку
позовёт в леса:
- Здесь же дым, закрой ты очи,
береги глаза!

Ты одна всё не уходишь,
вспомнив у огня,
скажешь: - Он ведь очень сильно
был влюблён в меня...
И стеснительность, и нежность,
щёчки - алых роз,
на плечах играет та же
пара добрых кос.

Переводы Ирека Гатина

Пророк МУХАММАД (салаллохи алайхи вассалам)

ХАДИСЫ

Не рвитесь к руководящим постам, так как назначение без
вашей просьбы гарантирует вам помощь, а если с просьбой, то
не будет у вас поддержки.

Выполнение обещанного исходит от веры.

Добрые помыслы — хорошая молитва.

Божья Религия — проста и доступна.

Воздаяние (от Бога) за милостыню (помощь) родителям и
близким поступает быстрее, чем воздаяние за все молитвы.

Мудрость прибавляет славу.

Наилучшей из доброт является хороший нрав.

Люди Рая — преимущественно простодушные люди.

Ответ на письмо обязателен, как ответ на искренний привет.

Примирите людей, пусть даже неправдой.

Ищите долю из тайников земли.

Подаяния не становятся причиной уменьшения имущества.

Больше всех прав у мужа к жене и больше всех прав к мужчи-
не у матери.

Небольшое дело, выполненное со знанием, значимее множе-
ства дел, выполненных невеждой.

У каждой религии — свой особый нрав, в Исламе этим нравом
является стыд (благопристойность).

Зависть пожиная хорошие деяния, как огонь (пожинает)
дрова.

Во времена больших раздоров люди в панике срываются со
своих мест, кроме ученых, которых спасет свет науки.

Бог любит добросердечных и незаметных людей.

Бог любит каждое печальное сердце.

Бог любит добрые и славные дела и не любит мерзкие и
незначительные дела.

Каждый, кто прощает, Аллах прибавляет к его почету, и Аллах
возвышает того, кто бывает скромным.

Бог отважен для (защиты) мусульманина, он (мусульманин)
тоже должен быть отважным.

Бог определил эту землю для меня как место поклонения и
средство очищения.

Если Бог хочет добро для (определенного) народа, вводит их
в затруднительное положение, чтобы стали испытанными и опыт-
ными и (впредь) могли постоять за свои права.

Самые тяжкие мучения на том свете (уготованы) для тех уче-
ных, у которых слово расходится с делом.

Корни, распустившиеся насильем в земле, не приносят плоды
правды.

Наихудшим из людей в Судный День перед Аллахом являет-
ся тот, кого люди из-за боязни его злословия покидают или же
(именно из-за этой боязни) угождают ему.

Сказали Пророку: «Проклинай неверных». Он сказал: «Не про-
клиная я послан, а помиловать».

Наилучшие науки — те, которые приносят пользу.

Говори с людьми по мере их ума.

Лучшими юношами считайте тех, кто подражает старцам, а
худшие ваши старики — те, кто уподобляет себя молодым.

Те, которые подают руку лучше тех, которые берут за руку.

Усовершенствование доброго дела значимее его начинания.

Самое наихудшее из запретных (дел) — это донос.

Наилучшая милостыня дается словом.

Наилучшая милостыня — та, которая дается враждующему с
вами родственнику.

Правдивость направляет вас к доброте, а доброта — к Раю.

Нет подарка от отца детям лучшего, чем благовоспитанность.

Воспитанность мужей лучше их золота.

Выплата долгов — знак набожности.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р. С. ,
Председатель редсовета.
Президент Некоммерческого партнерства «Ватаным» («Мое Отечество»), академик РАН, Российской академии медицинских наук, почетный академик АН Башкортостана, Казахстана и Татарстана, кардиохирург

Алишина Х. Ч.
доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Асадуллин Р. М.
президент Башкортостанской организации «Ватаным», ректор Башкирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

Ахметшин Р. К.
заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в Российской Федерации

Володарская Э. Ф.
член правления «Ватаным», ректор Московского института иностранных языков, главный редактор журнала «Вопросы филологии», академик РАЕН

Давлетшин Г. М.
доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Нигматулин Р. И.
член правления «Ватаным», академик Российской академии наук, директор Института океанологии РАН

Сейфуль-Мулюков Ф. М.
член правления «Ватаным», журналист-международник

Рахим Теляшев,
журналист-краевед, писатель-историк, заслуженный работник культуры РТ, г. Санкт-Петербург

Ренат Харис,
лауреат Государственной премии РФ (2006г.), народный поэт Татарстана, член Совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации

Главный редактор
Ринат Мухамадиев

Заместители главного редактора
Лейсан Ситдикова
Ахат Мухамедов

Художник-дизайнер компьютерной верстки
Асия Каримова

Компьютерный набор
Екатерина Жукова

Учредитель:
Некоммерческое партнерство содействия развитию институтов гражданского общества «Ватаным».
Газета зарегистрирована Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-18851 от 10. 11. 2004.

При реализации проекта используются средства государственной поддержки (грант) в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 г. №11-рп и на основании конкурса, проведенного Региональной общественной организацией «Институт проблем гражданского общества».

Адрес редакции:
115184, Москва, М. Татарский пер., д. 8.
Телефоны: (495) 951-16-94,
951-02-38 (по вопросам подписки и распространения).
E-mail: tatar.mir@yandex.ru

Подписано в печать
01. 06. 2016.
Отпечатано в типографии
«ООО Медиа-форум».
Тираж 15 000 экз.

В 1903 году в одном из юсуповских дворцов в Архангельском был установлен мраморный бюст Александра Сергеевича Пушкина. Таким образом Юсуповы увековечили память о знаменитом поэте, судьба которого удивительным образом оказалась переплетена с жизнью и историей Юсуповых и их имений.

ческие и редкие растения, из-за живописно расположенных естественных зеленых декораций всюду виднелись беломраморные скульптуры. Кроме этого существовали редкостные механизмы, специально выпущенные из Европы. Например, механический кот на золотой цепи постоянно прогуливался вокруг ствола дерева. Обилие подобных диковин, разумеется,

Не исключено, что у пушкинской героини имелись родственные связи с князьями Юсуповыми. Согласно сюжету, она приехала в гости к тете, княжне Алине, а в 1820-е гг. в Хомутовке действительно жила княжна

Дружба князя
с поэтом

Дворец Юсуповых в Архангельском

В ноябре 1801 года семья Пушкиных въехала в один из флигелей дома, принадлежащего князю Николаю Борисовичу Юсупову. Дом находился в Огородной слободе, в Большом Харитоньевском переулке. До 1803 года Пушкины снимали западную часть палат (флигель) «со всеми принадлежностями и хозяйственной частью». По мнению ряда исследователей, Сергей Львович Пушкин был приглашен бывшим директором императорских театров князем Н. Б. Юсуповым для усовершенствования домашнего театра, вход в который вел из зимнего сада. Конечно, в юсуповском театре бывал и маленький Александр, если не на спектаклях, то на репетициях, бесспорно. Тогда же ходил он со взрослыми и на службу в расположенную неподалеку церковь Св. Харитония и гостил в усадьбе своей бабушки по адресу: Малый Харитоньевский, 7. Скромное здание это Ольга Васильевна приобрела после смерти мужа.

Князь Н. Б. Юсупов, как известно, был одним из самых знатных вельмож, когда-либо живших в Москве и большим ценителем красоты. Он обогатил Россию подлинными шедеврами мирового искусства, в том числе и античной скульптурой, размещенной в его московском саду. Сад этот славился на всю Москву. Здесь росли экзоти-

не могло не подействовать на детское воображение будущего поэта. В набросках автобиографии Пушкин записал: «Первые впечатления. Юсупов сад. Землетрясение». Впоследствии он придал саду Черномора в прологе поэмы «Руслан и Людмила» черты виденного в детстве, – в частности, описал кота «на цепи золотой». К этим же переживаниям относится незаконченное стихотворение «В начале жизни», где поэт вспоминает, как он «украдкой бегал в великолепный мрак чужого сада, под свод искусственный порфирных скал». Увы, этот великолепный сад сгорел во время пожара 1812 г.

Это не единственный случай обращения Пушкина в своем творчестве к окрестностям Юсуповского дворца. По одной из московских легенд, на углу Большого и Малого Харитоньевского переулков до войны находился деревянный домик, в народе называемый «Ларинским» или «домом Татьяны». Скорее всего, именно он упоминается в седьмой главе «Евгения Онегина», когда Татьяна Ларина приезжает в Москву на ярмарку невест:

**В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился...**

Алина – сестра Николая Борисовича Юсупова.

Пушкину и князю Юсупову доводилось общаться и в зрелые годы поэта. Они встретились в конце 1826 г. в Москве, куда Александр Сергеевич явился из Михайловского по вызову Николая I. Надо полагать, Юсупов весьма приветливо отнесся к поэту и пригласил бывать у себя в Архангельском. Во всяком случае, в последующие годы Пушкин дважды побывал в подмосковном имении Юсуповых Архангельском: весной 1827 года с С. А. Соболевским и летом 1830 года с П. А. Вяземским. Навещал Пушкин князя и один в его московском доме на Никитской. Видимо, слушал его рассказы о европейских странствиях и екатерининской эпохе. Сам князь был посаженным отцом на свадьбе Пушкина и присутствовал на первом балу у женатого поэта 28 февраля 1831 г.

В том же году Николая Борисовича не стало. После его смерти в письме к Плетневу Пушкин сокрушался: «Мой Юсупов умер», – писал он.

Наследники Н. Б. Юсупова бережно хранили автограф пушкинского «Послания к вельможе». Это стихотворение, написанное в 1829 г. Пушкин посвятил князю Николаю Борисовичу. Безусловно, далеко не все даже очень существенные события колоритной биогра-

фии Юсупова нашли отражение в стихотворении «К вельможе», но 106 строк его, как микромир, заключили в себе 50 лет жизни виднейшего представителя эпохи Просвещения. Поэт посвятил ряд строк и Архангельскому:

**Один все тот же ты.
Ступив за твой порог,
Я вдруг переносусь
во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры
и картины,
И пышные сады
свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты
Музам
в тишине,
Что ими в
праздности ты
дышишь
благородной.
Я слушаю тебя:
твой разговор свободный
Исполнен юности.
Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь.
С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой,
и прелесть Гончаровой.
Беспечно окружась
Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя
в волнениях мирских,
Порой насмешливо
в окно глядишь на них
И видишь оборот
во всем кругообразный...**

Без сомнения, созданная Н. Б. Юсуповым в московском дворце и в Архангельском атмосфера, пронизанная «влиянием красоты», в немалой степени способствовала творческому развитию великого поэта.

